

АНДРЕЙ БЕЛКИН

Тетрис

18+

Андрей Белкин

Тетрис

«Автор»

2026

Белкин А.

Тетрис / А. Белкин — «Автор», 2026

Русский казак выигрывает в карты во взятом русской армией Париже древний артефакт — три листа, исписанные иероглифами и рисунками. Спустя 200 лет эти старинные страницы сведут вместе двух профессорш и одного миллиардера и отправят их по следу тайны давно исчезнувшей цивилизации.

© Белкин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Три листа	5
Вдохновение	8
Письмо из Мексики	10
Подруги	13
Паленке	19
Американец	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тетрис

Три листа

Январский день 1527 года. Морской порт города Севилья, Испания. С только что прибывшего испанского 20 пушечного галеона, с которого бастайши уже выгружали военную добычу банд Кортеса, по деревянному трапу на берег сошёл пассажир. Это был средней руки идальго, если судить по его одежде и манере держаться. Лёгкий бриз по реке гнал с моря прохладу, приправленную противным морозящим дождём, что заставляло бывшего пассажира кутаться в коричневый тёплый плащ и по самые брови натянуть на голову мягкий чёрный берет. Высокие чёрные сапоги, кираса, рельефно выпирающая под тканью плаща и длинная шпага, ножами достающая чуть ли не до земли, говорили о военном ранге пассажира, что тут же подтверждали двое солдат в латах и шлемах, нёсших за дворянином громадный изъеденный временем кованый сундук. Взяв первую попавшуюся крытую портовую коляску, идальго запросто разместился на лавке рядом с возницей и, дождавшись погрузки сундука и солдат под холщовый навес повозки, скомандовал «вперёд». Путешествие было недолгим, где-то через полчаса коляска остановилась у дома предлагающего меблированные комнаты в наём. Отыскав хозяйина, путешественник снял квартиру из двух комнат на втором этаже и, разместив там сундук, отпустил солдат восвояси. Ещё через 20 минут идальго, всё в той же одежде, вышел из своего жилища и пешком направился к филиалу банкирского дома Строцци, расположение которого ему, видимо, было хорошо известно. Прогулка заняла ещё несколько дождливых минут. Войдя в контору банкирского дома, идальго обратился к ближайшему к входной двери — служителю и, представившись, вежливо попросил доложить о себе управляющему филиала. Управляющий — богато одетый, низкорослый, крепко сбитый, с сытым брюшком, средних лет итальянец, с быстрыми, умными глазами и уже небольшой лысиной, появился почти мгновенно. Он выскочил из настежь распахнутой двери тёмного кабинета и, обогнув стойку конторщиков, раскрыв объятия, бурно поприветствовал посетителя. Затем подхватив посетителя под руку, почти торжественно проводил его в свой кабинет и затворил массивную дверь. Звонкий удар засова о металлические скобы начальственной двери, окончательно убедил служителей в важности скромного идальго, и заставил их понизить голос и тише звенеть монетами при пересчёте.

— Дон Мигель, я очень рад вашему возвращению на родину, — хитрый банкир широко улыбнулся, показывая на четверть беззубый рот.

— Я тоже рад нашей встрече, сеньор Строцци, — вежливо поклонился дон Мигель, придерживая шпагу и что-то объёмное под мокрым плащом.

— Немедленно скиньте ваш вымокший плащ, и садитесь к камину, дон Мигель, — банкир принял отяжелевший от воды плащ идальго, расправил его на изящном стуле в полутора метрах от огня и, дождавшись пока гость расположится в красивом удобном кресле слева от камина, предложил ему тёплого вина — которое в это время года было всегда наготове.

Дон Мигель благосклонным кивком одобрил напиток и, садясь в кресло, поставил на низкий стол справа от себя кожаную походную сумку, нежно звякнувшую при соприкосновении со столешницей. Строцци улыбнулся ещё шире и подал гостю на серебряном подносе бокал рубинового вина, а после и сам, со вторым бокалом, уселся в кресло справа от камина и стола.

— Как прошло путешествие в Новый Свет? — банкир слепил предупредительностью и любезностью.

— Раз я жив и у вас — хорошо, — идальго вытянул ноги в мокрых сапогах поближе к пылающему в огромном камине огню. От плаща уже шёл густой пар. Дон Мигель обхватил

тёплый бокал обеими руками и, зажмурив глаза словно кот, отдался теплу огня и вкусу недурного красного вина.

После пары минут безмолвия, идалго возобновил диалог и вкратце рассказал о 3-летнем путешествии в стране индейцев. К удивлению банкира, дон Мигель не называл их дикарями и кажется, даже сочувствовал их незавидной участи. А затем, к радости сеньора Строцци, из кожаной сумки был извлечён массивный мешок под завязку набитый золотом — слитками с клеймом Кортеса. Золото было взвешено, пересчитано и обменено на золотые дублоны, за вычетом долга дона Мигеля и набежавших процентов. Долговые расписки, полученные доном Мигелем в обмен на золото Ацтеков и Майя, были им тут же брошены в огонь камина. Золото индейцев исчезло в банкирском сундуке (сеньор Строцци заработал на этой обменной операции не менее 20 процентов), а 2000 дублонов, оставшихся у идалго после сделки с банкиром, перекочевали в его походную сумку. Плащ перестал парить, настало время обеда. Двое слуг, прямо в кабинете управляющего, накрыли королевский обед, перечисление блюд которого не столь важно для нашей истории. Дон Мигель, впервые, за почти три месяца (а именно столько занимал переход на галеоне из Нового Света в Испанию), обедавший не вялым мясом и деревянными тортильями, а любимой едой, от души благодарил гостеприимного банкира за божественные вкусы, а сеньор Строцци к восторгу выгодной сделки добавил радушие хлебосольного хозяина, которое на мгновение, принесло ему даже больше радости, чем богатая нажива. Оценив благодушное настроение бывшего кредитора, бывший завоеватель, после того, как слуги покинули кабинет и обедавшие остались одни, извлёк из своей сумки три слегка потрёпанных больших листа, испещрённых индейскими письменами и какими-то рисунками.

— Сеньор Строцци, вы наверное слышали, что святая инквизиция делает с рукописями и культурой индейцев... В знак нашей дружбы (дон Мигель подумал о наживе банкира при обмене золота на дублоны), я вас прошу переправить эти три листа во Францию и сохранить их для потомков. Инквизиция там не так люзует, и даже сестра короля, о ужас, пишет фривольные комедии об инквизиции и дружит с протестантами.

— Если на этих листах не написаны богохульства, я сделаю это для вас, дон Мигель, — Строцци тоже подумал о сегодняшней выгодной сделке.

— Эту рукопись мне подарил монах, — продолжил дон Мигель, — Он случайно попал к индейцам и долго жил с ними. Выучил их язык. А местный жрец открыл ему письменность и науки индейцев, а ещё, в знак дружбы и доверия, показал священное место, прозванное индейцами «большая вода». На этих листах знаки и рисунки оттуда. Со слов монаха, здесь описывается способ направлять волны на море — при помощи камней, даже чертежи есть. Прямо как у машин вашего Леонардо да Винчи, — дон Мигель ткнул пальцем в рисунки из геометрических фигур.

Банкир внимательно осмотрел все три листа и, не найдя там ничего похожего на изображения врага рода человеческого, пообещал выполнить просьбу идалго.

— Спасибо, сеньор Строцци. Индейцы не дикари. Я видел их дороги, города, системы орошения. Мы могли бы у них многому научиться. Но только не в Испании, и не при нашей жизни. Сохраните это для наших потомков.

Сеньор Строцци и дон Мигель на этом расстались, а уже через месяц, листы индейцев, вместе с банковскими бумагами и золотом Кортеса были в Париже.

Через 50 с небольшим лет, империя Строцци рухнула, а потомки этого когда-то могущественного и влиятельного рода расселились по всей Европе. А ещё через 230 лет, после взятия Парижа русской армией, один из наследников Строцци проиграл в карты русскому офицеру, потомственному казаку, те самые три индейских листа, которые ускользнули от испанской инквизиции, уцелели после описи имущества разорившихся банкиров и, избежали уничтожения Великой французской революцией. Так, остатки научного достояния индейской цивили-

зации оказались в уезде N, на стене избы казака, в портретных застеклённых рамках. А после смерти казака, разбрелись по трём его сыновьям.

Вдохновение

Москва, 2000-е. Девочка лет двенадцати, в домашнем сарафане и белых гольфах, подкатила к стене, огромное, по сравнению с ней, чёрное кожаное кресло на колёсиках и, забравшись на него, вытянулась во весь рост. Только так она могла близко рассмотреть, висящую на стене, среднего размера картинку, закованную в старинную застеклённую рамку. Жаркое летнее солнце было уже почти в зените и своими настойчивыми лучами ярко подсвечивало картинку и нагревало дубовый мозаичный паркет на полу большой комнаты. Девочка так увлеклась изучением иероглифов и рисунков, что не заметила, как дверь бесшумно открылась и в комнату вошёл её дедушка — генерал в отставке. Он был из уральских казаков, и с детства приученный к строгой дисциплине и порядку, особенно в одежде, даже дома всегда ходил в брюках, рубашке, и хоть и домашних, но всё же туфлях. Ещё одной чертой, безусловно указывающей на казачье прошлое дедушки — были его лихо закрученные в кончиках усы. А его стать, походка, уверенный пронизывающий взгляд — будто сошли с фотографий русского казачества и офицерства начала 20-го века. Чтобы не пугать внучку внезапным появлением, генерал остановился и негромко прокашлял два раза. Внушка вздрогнула, едва не упав с кресла, но, схватившись за высокую спинку, всё-таки удержалась и, обернувшись к деду, с улыбкой произнесла:

— Деда, а на другой стороне листа есть иероглифы?

— Нет, Машенька, я говорил тебе это уже не один раз. Может на двух других есть, которые были у твоих двоюродных прадедов, — генерал подошёл к внучке и помог ей слезть с кресла, — а теперь иди, поиграй в своей комнате, дедушке надо поработать.

Маша, так зовут нашу героиню, послушно покинула дедушкин кабинет и направилась к себе. Она была единственной внучкой генерала, отличницей и умницей и, не смотря на свой юный возраст, уже знала, что означают все иероглифы на древнем индейском папирусе. Во всём огромном доме, выходящем парадным фасадом на Тверскую, и прозванном в народе генеральским, она была единственным ребёнком, интересующимся подобными глупостями. Ведь, все её сверстники налегали не на мёртвые языки, а на вполне живые, чтобы затем, после престижной школы, заполнить собою высшие учебные заведения для золотой молодёжи. Учителя и одноклассники считали Машу чудачкой, но при этом завидовали ей, ведь только она знала не только язык Майя, но и почти всю самобытную культуру уничтоженной испанцами цивилизации. Зайдя в свою комнату, Маша расположилась за домашней партой, открыла огромный фолиант, и начала водить указательным пальцем по трудному для восприятия, даже взрослым человеком, тексту. По мере прохождения строк, она что-то шептала и периодически делала какие-то пометки в толстой тетради в клетку. Это странное для маленькой девочки занятие сначала пугало её родителей, и особенно деда-генерала, но после посещения психолога, и утверждения последнего, что их дочь совершенно нормальная, и незачем ограничивать её в этом увлечении, родители и генерал стали помогать Маше, доставая самые редкие книги и выписывая все возможные научные журналы по индейской тематике. Так, индейский папирус породил увлечение всей жизни.

Окончив школу, Маша поступила в профильный вуз, и всю учёбу поражала сокурсников и преподавателей не только своими знаниями, но и неиссякаемым энтузиазмом, что и вылилось в совершенно предсказуемый красный диплом. После была аспирантура, и защита кандидатской по геолитам Наска, и, как итог, сегодня, Мария один из признанных специалистов по культуре и языкам народов Латинской Америки. А ещё, секс-символ не только своего университета, но и всех, кто интересуется культурой исчезнувших американских цивилизаций.

На сайте университета, где трудится преподавателем Маша, самой популярной является страничка с её фотографией — об этом сладострастно шепнул Маше системный администра-

тор. С фотографии, на потрясённых посетителях сайта университета, смотрит не только кандидат наук, но и красавица, чьи голубые глаза, проникновенным взглядом убивают наповал и заставляют немедленно влюбляться в культуру и языки древних народов. Без всяких фильтров и фотошопов, непрерывно улучшающих гламурных див всех мастей и возрастов, Маша предстаёт почти совершенством. Почти — потому что, когда потенциальный поклонник после созерцания её красоты, углубляется в текст презентации, его сразу бросает в оторопь из-за своей «недостойности» даже мечтать об этой девушке. А, об ажиотаже на её лекциях и говорить не приходится. На всех видеохостингах, под роликами с её лекциями и выступлениями на конференциях — тысячи восторженных комментариев и признаний в любви. Эти видео нередко в топе, и когда, очередной бедняга, заинтригованный милой девушкой, переходит на ролик просто из любопытства, то «смотрит до конца», а после, потрясённый — совершенством форм, облачённых в строгий брючный костюм, высоким ростом, длинными ногами, красивым лицом, копной золотых волос, закрученных в толстый пучок, пронзённый подвернувшимся под руку карандашом и, конечно же, проникающими в самую душу знаниями, как замороженный ищет возможность «прикоснуться к мечте», и яростно пополняет ряды парней, рвущихся на факультет, где преподаёт Маша. Серые будни науки, как порою, вы бываете тяжелы.

Письмо из Мексики

Как ни странно для нашего изрешечённого информацией мира, три «казачьих» листа до сих пор не были ведомы майянистам. О том, который висит в кабинете деда — Маша всегда помалкивала (на этом настоял генерал, и внучка свято выполняла его просьбу), а два других, по рассказам генерала, исчезли в «водовороте истории». И как только Маша не выпытывала, к каким только ухищрениям не прибегала — генерал оставался неумолим, и ничего, кроме уже известного ей, внучка не добивалась. Со временем, Маша почти забыла о семейной реликвии, и даже когда бывала в гостях у бабушки, перестала замечать её. Но, летнее, утреннее, августовское, электронное письмо из Мексики, от подруги — профессора университета Мехико и по совместительству научного руководителя музея Майя, всполошило память Маши и воскресило «позабытый» генеральский лист.

Письмо было на испанском. Мария владела в совершенстве этим языком, и когда бывала в Мексике и других странах сохранивших наследие индейских цивилизаций, никто не верил, что испанский для Маши неродной.

— Привет, Мария, — читала Маша, и будто слышала низкий голос своей мексиканской подруги, — у меня для тебя есть новости, которые вероятно сподвигнут тебя, взяться, наконец, за докторскую. Ко мне обратился один американец, и рассказал, что к нему в руки случайно попал папирус Майя. Я, конечно же, посмеялась над его предположением, и «расстроила» его тем, что существует только три кодекса майянских рукописей, уцелевших от инквизиции. Тогда он прислал мне на почту фото своего папируса с обеих сторон (есть в этом письме). Я почти уверена, что это артефакт майя. Для ещё большей моей уверенности, американец прилетает в Мехико через неделю вместе с папирусом. Если это не подделка, то мы скоро будем держать в руках (я надеюсь, ты приедешь на смотрины) яркий образчик метрической системы майя. Ты помнишь нашу совместную статью, где мы, почти все их меры, перевели в систему СИ? Целую, и жду тебя на смотрины.

Маша нажала на вложение, и на экране раскрылся «дедушкин лист», только с другими рисунками и другими иероглифами майя. Это было невероятно! Если бы Маша, сотни раз не разглядывала семейный артефакт и не знала наизусть цвет чернил, стиль писца и оттенок папируса, она бы засомневалась. На неё, с экрана ноутбука, смотрел один из двух, затерявшихся в «водовороте истории», листов. Мария распечатала нашедшийся через 100 с лишним лет лист, и сломя голову побежала к деду. К счастью для учёного, напоровшегося на уже, как казалось, навсегда исчезнувший в потоке времени артефакт, сегодня была суббота. А, квартира деда была в соседнем доме, иначе неизвестно, в каком состоянии была бы Маша, при более долгом стремлении к открытию века. Трезвон, который подняла её рука, давя на ещё советский звонок, всполошил деда не на шутку. Он выскочил в халате и в белой пене крема для бритья на лице — на лестничную площадку, а увидев внучку, взволнованную и бледную, выпалил:

— Что стряслось, с мамой и папой всё в порядке?!

— Кажется, один из двух наших листов нашёлся! — Мария резко обогнула бабушку и ринулась в дверной проём.

— Каких листов? — сразу не сообразил о чём ведёт речь любимая внучка, генерал в отставке.

Внучка, не снимая кроссовок, уже скрылась в кабинете деда, где на стене, прямо за его креслом, висела их семейная реликвия. Когда, генерал вошёл в кабинет следом за разгорячённой Марией, она уже поднесла оба распечатанных листа к папирусу в рамочке и издала не то крик, не то рычащее мяуканье большой кошки.

— Вот он, лист, двоюродного прадеда! Иди, убедись! — иступлённо закричала Маша, сверкая глазами, — нашёлся через сто лет!

Генерал приблизился к ретроспективе из трёх страниц и, надев очки, лежавшие на столе, внимательно всмотрелся в изображения. Затем взял руку внучки, держащую два распечатанных на принтере листа, и переставил её не «после», как было до его приближения, а «до» — семейной реликвии.

— Если судить по логике изображений — так правильней, — улыбнулся мудрый генерал.

— Ты совершенно прав, дедушка, — счастье переполняло Машу.

— Откуда это у тебя? — генерал казался встревоженным.

— Не волнуйся, я никого не убила! Мария прислала из Мексики.

— Наша мексиканская профессорша?

— Только не профессорша, а профессор, ты же не называешь меня доцентшей, вместо доцента! — внучка клюнула дедушку в щёку, — ей какой-то американец прислал, обещал предъявить подлинный папирус через неделю.

— Вот и нашлось наследство нашего белогвардейца, — недобро ухмыльнулся генерал.

— Почему белогвардейца, ты же говорил, что оба моих двоюродных прадеда погибли на гражданской, и воевали за красных?

— Говорить-то я говорил, но обманывал. Я же работник органов безопасности, и твой отец и прадед, как ты знаешь, тоже. А в СССР было не принято иметь родственников за границей, тем более белогвардейцев. Я был вынужден это почти всю жизнь скрывать ото всех. А, когда СССР не стало, всё равно решил не раскрывать истины, ведь обман в автобиографии плохо сказывается на карьере чекиста, — генерал добродушно улыбнулся, — что, теперь отправишься в Мексику?

— Конечно, тем более у меня виза ещё открыта, — глаза Марии возбуждённо блестели в предвкушении чего-то великого, — подожди, папа, получается, тоже ничего не знает о неудобном родственнике? — внучка недоверчиво смотрела на генерала.

— Ничего, анкету ему не хочу портить, — пожал плечами генерал.

Переполох после первого шока прошёл, и Маша, сменив кроссовки на тапочки, попросила дедушку напоить её чаем. Дедушка с радостью согласился, ведь внучка не часто баловала его визитами, и оба переместились на кухню. Генерал вытер пену на лице кухонным полотенцем, предварительно смоченным в холодной воде, и захопотал, словно вышколенная домохозяйка. Его жена, бабушка Маши, давно скончалась, и отставной чекист с тех пор, совершенно не гнушался домашних дел. Он не терпел чужих в доме, и делал исключение только раз в году, когда проверенная во всех смыслах уборщица, производила генеральную уборку во всей квартире. Пока дедушка готовил скромное застолье с чаем, бутербродами с красной икрой и, кстати оказавшемся в холодильнике творожным тортом (это папа Марии вчера заходил к отцу), открытая научным предвкушением внучка успела заказать на завтра билеты до Мехико — обратный билет с открытой датой, и взять отпуск за свой счёт на две недели. Последнее оказалось самым сложным: в субботу вся администрация университета отдыхала, а кроме того, Марию недолюбливала большая часть женской половины кафедры, и ни секретарша, ни руководитель Маши на сообщения не ответили. Чтобы добиться своего, девушка пошла на крайние меры — написала ректору, намекнув о наклёвывающейся сенсации. Ректор был мужчиной, а значит её поклонником, а ещё очень умным человеком, и поэтому не обращал никакого внимания на злобные выпады и интриги против своего «лучшего доцента». Ведь ректору было прекрасно известно, как медийная популярность Марии увеличивает приток абитуриентов, в том числе платных, и способствует публикациям в научных журналах. Вопрос был решён немедленно. Ректор пожелал успеха в миссии, и даже предложил оформить поездку в Мексику, как командировку. Маша отказалась, она не была до конца уверена в «успехе», а ещё ненавидела обязательную отчётность после командировок. Но, чтобы успокоить «благодетеля», пообещала сделать его соавтором открытия, если оно конечно состоится. В результате внеплановый отпуск был согласован, ненависть женского коллектива усилена, а ректор стал мечтать о почётном зва-

нии академика. После завершения нежданного завтрака с дедушкой, Мария вернулась домой и сообщила родителям, с которыми предпочитала жить — из-за удобства и нехватки времени на бытовуху, что позавтракала с дедом и что завтра уезжает в Мексику. Родители, давно привыкшие к подобным «экстравагантным научным выходкам» дочери, лишь поинтересовались, почему такая срочность. Маша вкратце рассказала, и попросила не волноваться. О том, что она узнала о существовании двоюродного прадеда белогвардейца, она не обмолвилась ни единым словом. Всё-таки, Маша была потомком трёх поколений чекистов!

Подруги

Ил 96 пошёл на снижение и Маша увидела, залитые жарким солнцем, очертания международного аэропорта имени Бенито Хуареса. Панорама аэропорта была ей хорошо знакома, но это никак не влияло на её неизменное недоумение от сжатости воздушной гавани клешнями огромного мегаполиса. Город буквально толпился вокруг аэропорта, не давая ему дышать и, норовя захватить не только уцелевшие от зданий пространства вокруг аэровокзала и взлётно-посадочных полос, но и сам аэровокзал превратить в торговый комплекс или громадный склад.

— Как всё это по мексикански, — беззлобно ухмыльнулась девушка, и тут же вспомнила, как её тёзка яростно обижается на любую, даже конструктивную критику местных, и часто диких устоев.

Огромный лайнер, сделав в воздухе широкую петлю, прицелился, и бесстрашно нырнул прямо на городские кварталы. Иллюминаторы самолёта были настолько близко от домов, что пассажиры могли видеть их жителей, а ещё махали им руками и кричали с русским акцентом непременно «Hola». Но, привыкшие к подобным проявлениям чувств, мексиканцы, были равнодушны, и занимались своими делами, не замечая ни шума турбин, ни улыбок странных иностранцев, ни мельтешения их рук в иллюминаторах. Ил благополучно миновал все несурности аэропорта и мягко коснулся колёсами шасси — бетона взлётно-посадочной полосы.

— Ну, здравствуй, Мехико, — подумала Мария, и пока самолёт рулил к нужному посадочному рукаву, успела сменить симку в смартфоне на мексиканскую, и отправить два сообщения: одно родителям, другое своей тёзке.

После всех формальностей, присущих прибытию в международный терминал, и получения своего потрёпанного оранжевого чемодана, Маша, миновав зелёный коридор, вышла наконец к шумной толпе мексиканцев. Мария стояла в первом ряду встречающих и как только Маша прошла ограждения, кинулась обнимать и целовать свою русскую подругу. Как наверное догадался читатель, мексиканская профессорша будет теперь исключительно Марией, а Маша — просто Машей. После довольно бурных приветствий обе Марии, сопровождаемые оранжевым чемоданом, направились к стоянке такси, а ещё через полтора часа, протолкнувшись сквозь чудовищные пробки и пыль, добрались до квартиры мексиканки. Мария, как и Маша, жила с родителями, но это никак не мешало ей крутить романы с парнями, и желательно моложе её лет на 10. Это увлечение юными соблазнителями совершенно не препятствовало карьере и никак не влияло на научные изыскания. Внешне, мексиканка была полной противоположностью своей русской подруге: не только возрастом — ей было слегка за сорок (старше Маши почти на 15 лет), но и всем своим обликом — она была некрасивой, но при этом — вполне милой: черноглазая, чуть ниже среднего роста, с крепко сбитой фигурой, большой грудью, недлинными ногами и довольно грузной попой. Только пышной копной длинных волос, подруги были схожи, за исключением цвета. Волосы Марии были как вороново крыло, и когда она стягивала их резинкой, напоминали хвост дикого чёрного мустанга. Вкусы относительно мужчин у Марий также расходились. Мексиканка категорически не терпела гринго, и встречалась исключительно с соплеменниками, которые русской подруге совершенно не нравились. Но все эти различия никак не влияли на крепкую дружбу и ничуть не мешали подругам обсуждать не только научные темы, но и женские секреты.

Приняв душ после утомительной дороги и, переодевшись в шорты и майки, девушки занялись приготовлением ужина. Пока они готовили, появились родители Марии, которые, не смотря на пенсионный возраст, всё ещё работали. Так, дружеские посиделки преобразились в весёлый семейный ужин. Родителей мексиканки интересовало всё — есть ли у Маши жених, как самочувствие её родителей и бабушки, и какая погода сейчас в Москве. Маша со всеми подробностями описывала им свою жизнь и добродушно выслушивала их советы. После

ужина, перебив посуду и пожелав спокойной ночи родителям, Марии наконец добрались до причины их встречи. Мексиканка открыла на ноутбуке фото папируса, присланное американцем, и у подруг завязалось обсуждение, перемежаемое чуждыми для несведущего уха терминами, непринуждёнными переходами на майянский язык, и тут же возникающими предположениями о назначении папируса. Как читатель, наверное, уже догадался, Маша не открылась подруге и ничего о семейном папирусе и белогвардейце пока не рассказала. Обсуждение перескочило далеко за полночь, и если бы Марии завтра не нужно было на работу в университет, то наверное дискуссия не завершилась бы и до утра.

Проведя ничем не примечательный день в квартире подруги, Маша начала скучать по дому, и уже сожалела, что сорвалась и прилетела на пять дней раньше предполагаемого появления американца и его папируса. И, когда, вечером, из университета вернулась Мария, Маша без энтузиазма представила очередную готовку, ужин с родителями, мытьё посуды и единственную интересную для себя часть — продолжение, прерванной сном, вчерашней научной дискуссии. Но, к счастью, Мария, ещё с порога, обрадовала свою русскую подругу тем, что у них на сегодня и вообще на ближайшие дни, вплоть до приезда гринго, запланирован ежевечерний загул по ночным клубам и барам. И, не тратя лишних слов, девушки принялись усердно готовиться к весёлому времяпровождению. После лёгкого ужина, принятия душа и взаимной укладки роскошных волос, наступило время макияжа. Мария наносила на себя боевую раскраску с истинно индейским неистовством, не оставляя живого места на своём пронзительном лице. Маша же подошла к делу с простотой и почти монашеским равнодушием — накрасив губы, правда, ярко-красной помадой, и слегка подведя глаза. Как ни странно, подобный подход гармонично сочетал подружек и не сулил ничего хорошего взвинченным воздыхателям, коих в клубах Мехико было с избытком. Композицию льда и пламени, где огнём была Мария, а холодом Маша, дополнили платья из гардероба мексиканки: золотое — Марии, серебряное — Маше. Платья были без рукавов, облегающие и, пьянящие своей миниатюрностью. Как будто именно на них у модельера, по какой-то неведомой причине, закончилась ткань. Эти наряды, вопреки катастрофической несхожести фигур девушек, идеально легли на обоих телах, и усилили причудливость переплетения русской и мексиканской красоты. Завершающим штрихом преображения служительниц науки в искусительниц — стала обувь и крохотные сумочки. Мария натянула красные лабутены на гигантском каблуке, а Маша, чтобы подстроить свой рост к подруге — встала в белые кеды, ну, а мини-сумки — исполняли роль хранителей телефонов, банковских карт и наличности. Когда наша парочка вышла из комнаты Марии и предстала перед родителями, те в один голос выдохнули: «Вы, прямо, как сёстры!». Вот так, несочетаемое, становится порою — схожим.

Целомудренное сравнение, сделанное родителями, стало прологом к череде восхищений, потрясений и «преклонений» перед «сёстрами». Первой жертвой стал водитель лимузина, которого наняли сёстры не только водителем, но и телохранителем. Это был огромный смуглый мексиканец, с невозмутимым лицом и бритым черепом, чьи чудовищные мускулы, при каждом движении, играли под тонкой тканью строгого синего костюма, а тематические татуировки ярко оповещали об отваге и беспощадности не только него самого, но и всех его предков по индейской линии. Усаживая сестёр в лимузин, телохранитель, ослеплённый их красотой и «беззаботностью» их откровенных нарядов, и то ли любуясь девушками, то ли предвидя нелёгкий «рабочий день», вздрогнул желваками. Это не ускользнуло от, как всегда настроенных на поиск кавалера, глаз Марии, и телохранитель, которого, кстати, звали Серхио, зарумянился словно подросток.

Сегодняшним местом для посещения был выбран модный и довольно дорогой бар, в гламурном квартале Мехико, кишевший, кроме взвинченных мексиканских воздыхателей, ещё и разнообразными гринго, большинством среди которых были американцы. Когда лимузин двух Марий причалил к этому известному всему городу вертепу, жаждущая острых ощущений

публика уже почти под завязку забила его узкие, для такого наплыва посетителей, пространства. Марии не просто так выбрали этот развязный бар, знаменитый, кроме жаждущих секса самцов и самок, ещё и великолепными танцами. Да и, их наряды, прямо скажем, слабо подходили для сидения у барной стойки или же за редкими столами. Ведь, при любой попытке ног, отклониться от вертикальной линии с телом, мини платья Марий отчаянно задирались и выставляли на всеобщее обозрение трусы. А значит, для соблюдения приличий, оставалось либо стоять, либо танцевать. Последнее и было целью «сестёр». Покинув лимузин и, дождавшись, пока Серхио доверит громоздкое средство передвижения юркому парковщику, подруги двинулись ко входу в бар. Они были здесь не впервые, и охрана беспрепятственно позволила им войти. Серхио огромной тенью сопровождал девушек. Пробыло половину десятого вечера, до вожденных танцев оставалось минут двадцать, и чтобы сгладить стоячее ожидание, Марии принялись опрокидывать в себя стопки с текилой. К счастью для Серхио, танцы начались чуть раньше обычного, иначе, ему пришлось бы заполнять неприятную для себя нишу — носильщика прекрасных, но полумёртвых тел.

Ди-джей поставил первый трек и публика повалила на танцпол, мгновенно создавая пары для возбуждающей латины. Марии тоже следом за всеми бросились в танцевальную пучину, поручив Серхио лабутены и сумки, цепочки от которых были тут же перекинута телохранителем через могучую грудь, образовав гламурную и блестящую португею. Подружки очень любили танцевать, но их известность в «узких научных и студенческих кругах», а ещё красота, постоянно провоцировавшая самцов оспаривать то, что им не принадлежит, заставляли девушек быть осторожными в своём увлечении. Однако, со временем, приспособившись к непростым для танцев обстоятельствам, Марии выработали два простых правила: заведения должны быть дорогими или хотя бы выше среднего — так сводилась к минимуму возможность встретить студентов, и обязательный телохранитель. Зачем такие сложности спросите вы, разве не проще посещать камерные танцевальные клубы? Ну, во-первых — Марии в танцевальные клубы наведывались, и довольно часто, а во-вторых — всё же, иногда, им хотелось встряски. И такой встряской должен был стать сегодняшний вечер!

А, пока, клиентки втягивались в танцы, и их телохранитель поглаживал импровизированную португею, и время от времени переставлял лабутены по барной стойке, на «мешающие его работе вещи» обратила внимание весёлая и милая барменша. И, когда, в очередной раз, подливая воду без газа в стакан горы мышц, она предложила посторожить сумки и туфли, Серхио, обмерив профессиональным взглядом новую знакомую, согласился на её помощь. Вскоре, это оказалось, как нельзя кстати.

Золотое и серебряное платья всё отчаянней метались в огнедышащей толпе, восхищая техникой танца и привлекая возбуждённых самцов. Время от времени, когда какой-нибудь разгорячённый мексиканец или распоясавшийся гринго подступали к нашим девушкам и, переходя грань дозволенного, без разрешения прикасались к ним, а тем более начинали лапать — Серхио, ясно проинструктированный на этот счёт, приступал к своим обязанностям. И уже менее чем, через полчаса, «помятых воздыхателей», сваленных вдоль барной стойки, набралась ровно дюжина. Они злобно косили в сторону своих неудавшихся жертв и хором стонали то ли от боли, то ли от разочарования. А Марии, периодически посылая воздушные поцелуи милому громиле, наконец, обрели свободу самовыражения. Ведь, по предыдущим экспериментам в подобных местах, они знали — что дюжина эта та отсечка, после которой к ним перестают подходить. Охрана же бара в происходящее не вмешивалась и просто наблюдала.

Наплясавшись до упаду — Марии вернулись к барной стойке, но присесть на высокие табуреты не решались из-за слишком откровенных платьев. Барменша, прочувствовав этот неловкий момент, подала «сёстрам» по большой белой салфетке, и Марии, отблагодарив молодую девушку лестными словами и одобрительными улыбками и, прикрыв всё, что открывали их беззастенчивые платья, заказали по стакану воды. Серхио облегчённо выдохнул, а Веро-

ника (так звали барменшу), ставшая на сегодняшний вечер гидом Марий по публице забившей заведение, параллельно с замешиванием коктейлей, розливом пива и прочих напитков, рассказывала новым знакомым всё, что ей было известно о завсегдатаях своего места работы. Она, как и Мария с Серхио происходила из индейцев, но причудливые пути эволюции и смешения индейцев с белыми, сильно увели её внешность от эталона предков. Вероника была высокой, почти как Маша, стройной, а её попа, хоть и выдавалась в мир, всё же не была такой многозначительной, как у большинства индейских женщин. А длинные ноги, чудесная грудь и красивые европеизированные черты лица совсем не совпадали с анатомией большинства её родственников из родной деревни. Но, несмотря на явное благоволение её предков по женской линии к белым мужчинам, индейская кровь, ещё теплилась в Веронике и, вырываясь наружу, проявлялась искрами в чёрных глазах и вороным безумием густых длинных волос, больше похожих на хвост дикого мустанга, нежели на причёску милой жительницы Мехико:

— Ваш телохранитель отвадил почти всех местных бабников, а тех которые не успели до вас добраться — сильно напугал.

— Это их проблемы, — безучастно усмехнулась Мария, — его, кстати, зовут Серхио, — кивнула мексиканка на телохранителя, — а мы Марии.

— Вероника, — барменша подала руку сначала девушкам, а затем, потупив глаза, погрузила свою кисть в огромную медвежью лапу Серхио.

Телохранитель залился румянцем, заметным даже в приглушённом освещении бара и застенчиво ответил на приветствие. Марии незаметно переглянулись и чтобы не смущать своего ангела-хранителя, вернулись к обсуждению нескучных будней бара. Вероника знала всех более-менее постоянных посетителей в лицо, их повадки, танцы и конечно траты в её баре, а главное чаевые. Пока Марии отдыхали от танцев, она снабдила их целой кучей историй почти о каждом, кто заказывал у неё напитки, или просто проходил мимо стойки. Ничто не ускользало от её цепкого взора и острого языка. Ни раскрепощённые девушки наградившие болезнями Венеры чуть ли не половину посетителей, ни парни, неважно мексиканцы или гринго ищущие одноразовых девиц, и даже не на ночь, а на быстрое соитие в кабинке туалета. А, когда самые занимательные фрагменты из повседневности заведения были поведаны, поинтересовалась у Маши, что привело её в Мехико.

— Как ты догадалась, что я не местная, я ведь похожа на белых мексиканок, а мой испанский, как мне все говорят — идеален, — добродушно улыбнулась Маша.

— Именно из-за твоего испанского — он слишком хорош, — Вероника ни на секунду не переставала разливать и замешивать.

— Это потому, что она профессор, — Мария большим пальцем руки указала на подругу.

— Она, кстати, тоже, — Маша ответно направила свой большой палец на Марию.

— И, что является предметом ваших наук? Ещё воды? — после согласительного кивка девушек, Вероника повторно наполнила их стаканы.

— Мы изучаем культуры индейских народов, в основном Майя, — за двоих ответила мексиканка.

— Значит, вы знаете наш язык, — эту фразу Вероника произнесла на одном из майянских наречий.

— Не только язык, но и можем писать и читать, — не без гордости, и тоже на майянском, заметила Мария.

Вероника взяла блокнот для записи заказов и нарисовала там несколько иероглифов, а после показала своё творчество подругам. Марии заулыбались и рядом с каждым изображением от Вероники набросали правильные версии иероглифов.

— Говоришь ты очень хорошо, но вот письмо хромает, — похвалила Маша барменшу, — у тебя кто-то из родных знает майянский?

— Да, мои родители, они из глухой деревни в штате Чьяпас. Я перебралась в Мехико три года назад, а иероглифы по памяти нарисовала, что они означают, я не знаю.

— Эти рисунки ты видела рядом со своей деревней? Как она называется? — Маша незаметно, так чтобы не видели Серхио и Вероника, ткнула кедом голую ногу подруги. Мария, не подавая вида, что тоже сильно возбуждена — нарисованным в блокноте, ответно два раза слегка ударила ногу напарницы.

Вероника назвала свою деревню и ближайший к ней город, а ещё сказала, что в подземе-лье куда она часто спускалась, когда была ребёнком, кроме надписей есть ещё множество рисунков, похожих на схему звёздного неба и много чего ещё, что она, будучи ребёнком, не понимала. Ей было невдомёк, что один из четырёх иероглифов, которые она набросала, бук-вально означает, если переложить на современный язык — «Большая вода». И хотя Марии не могли прямо сейчас обсудить услышанное и увиденное, они и без совещания решили, что зав-тра же поедут в деревню Вероники. В том, что им удастся уговорить Веронику показать пещеру с иероглифами, Марии не сомневались. А раз, на ближайшее время, развлечения и танцы отме-няются, Марии, допив воду, ринулись танцевать, дабы, сегодняшняя ночь перекрыла недобран-ное ими в последующие «научные» дни. У Серхио работы больше не было, и он, вполглаза следя за разнузданными подопечными, кокетничал с Вероникой, а когда, она в ответ строила ему глазки или прикасалась к его медвежьей лапе, неизменно заливался ярким румянцем. Эта идиллия, я о танцах Марий и зарождающейся любви потомков индейцев, длилась сначала до закрытия заведения, а после продолжилась в лимузине, где «сёстры», не зажатые более рам-ками общественного пространства, сидя танцевали, а новоиспечённые голубки ворковали — ведь профессорши, на радость телохранителя, захотели подбросить Веронику домой.

Почти весь следующий день Марии потратили на уговоры, увещевания и «обольще-ние» Вероники — открыть им место, где находится заветное подземелье. В начале, Вероника наотрез отказывалась помочь «науке», но после долгих раздумий и получения от Марии «кров-ного обещания», что она приложит все силы и связи, как «главный научный руководитель музея Майя», сделать Веронику директором «храма Большой воды» (название которого воз-никло само собой, и очень понравилось трём девушкам), а жителям её деревни отдать эксклю-зивное право на торговлю сувенирами у входа в храм — Вероника согласилась. Хотя, как мы увидим позже, её эта должность совершенно не интересовала. И, по большому счёту, един-ственным аргументом, словившем барменшу, стало взятие Мариями всех расходов в поездке на себя. Ведь, Вероника, из-за дороговизны билетов, не была на родине почти три года, и очень скучала по маме. Упорное же её сопротивление уговорам было не желанием сохранить тайну предков или религиозным фанатизмом, она просто боялась. И не мести жителей своей деревни, которые тоже были не прочь хоть что-то получить от бесполезного подземелья и наконец-то выбраться из нищеты, а наказания богов, настаивающего всякого отступника. Из поколения в поколение, потомками майя передавались сказания о смерти всех «предателей». Первым из них был жрец, который открыл свой храм испанскому монаху и был погребён богами вместе с частью мстительного подземелья. Следующих нескольких смельчаков, замысливших нажать на сокровенном знании, так же неизменно настигала смерть — одни тонули в реке, других давили огромные валуны, срывавшиеся с отвесных скал, а самый последний отступник был укушен ядовитой змеей.

«Надеюсь, индейские боги пощадят меня и мою деревню, ведь всё равно этим двум про-фессоршам и так всё известно. Наверное, потомки того гринго, о котором рассказывали мои бабка и мама, из-за которого боги убили жреца, показали папирусы из нашего храма профес-соршам. Так что, и без моей помощи профессорши рано или поздно нашли бы наш храм, и моему народу снова ничего бы не досталось. И опять же, боги привели профессорш в мой бар и познакомили меня с ними, а значит, они сами хотят показать свой храм чужакам», — так, утром, после вчерашних напряжённых переговоров, всё ещё успокаивала себя Вероника,

тоскуя в такси по дороге в аэропорт. Профессорши же, увлечённые грядущим открытием всемирного масштаба, совершенно не разделяли озабоченностей отступницы и беспечно болтали и шутили, только уже в другом такси, так же направлявшемся в аэропорт. Чтобы так сорваться, и без оглядки на работу отдаться приключению, мексиканским попутчицам Маши пришлось «заболеть», а самой Маше, на всякий случай, продлить «отпуск за свой счёт» на неделю. В аэропорту Бенито Хуареса, куда наша троица прибыла почти синхронно, надежду Вероники, что это «божье провидение», а значит, наказания не последует, усилило наличие билетов до Паленке или как называли это место индейцы Lakam-Ha? или Большая вода. Про билеты я упомянул не случайно — ведь Паленке был весьма популярным направлением, и покупать билеты, чтобы гарантированно попасть на самолёт, нужно было как минимум за месяц. Все эти события — от письма неизвестного американца, до получения дефицитных билетов, конечно, навевали странные мысли и на обеих Марий. Но, они, в отличие от Вероники, не думали об индейских богах, хотя, цепочка закономерностей и случайностей уж очень стройно сливавшаяся в «прямой путь» до неизвестной пока цели, стала подспудно беспокоить и их.

Паленке

Самолёт до Большой воды вылетел по расписанию и, пройдя за час полёта через две сильные турбулентности, заставившие Веронику усомниться в «божьем провидении», а Марию в «прямом пути», всё-таки, благополучно приземлился в аэропорту Паленке. Спустя 20 минут, на потрепанном времени такси, троица устремилась в отель, расположенный на пересечении Рио Чакамакс и дороги из аэропорта, где был забронирован номер с тремя кроватями и завтраком. По прибытии в отель Марии тут же арендовали автомобиль, но, не смотря на скудные 48 часов, не считая сегодняшних убегающих суток, а именно столько оставалось до приезда американца и обратного билета до Мехико, две первооткрывательницы и одна предательница не решились сразу, с наскока, атаковать, возможно последнюю, доступную для человечества святыню майя. Да и услуга отеля, кишевшая дальними и «ближними» родственниками Вероники, могла заподозрить «неладное» и помешать «коварному» замыслу чужаков и отступницы. Поэтому, девушки, чтобы, случайным словом или опрометчивым поступком, не выдать своего настоящего замысла, и как бы следуя традиции каждого туриста, отправилась в древний город Майя — Паленке. Марии вели себя как взаправдашние туристы, а Вероника, под ухмылки соплеменников, ревностно изображала подругу, опекавшую двух избалованных городских штучек. Придерживаясь этой уловки, девушки побродили по набившим оскомину развалинам, дежурно пофотографировались, купили сувениры и поужинали в модном ресторане. Ночь, отделявшая их от настоящей цели, прошла беспокойно и почти без сна — настолько велико было предвкушение завтрашней экспедиции.

На следующее утро, поднявшись к началу завтрака, и наскоро и без аппетита перекусив и, совершив незатейливый туалет охотниц за научными сенсациями и директорскими должностями, девушки выдвинулись к деревне Вероники. До неё было километров 20 по шоссе 199 и ещё чуть-чуть по полугрунтовой дороге после поворота на Сан Мануэль. В поношенном и многократно перекрашенном, небольшом, без кондиционера, с механической коробкой передач внедорожнике, девушки помчались к своей цели. Марии продолжали усердно маскироваться под заурядных туристов, приехавших на малую родину своей подруги. Их одежда, содержимое рюкзаков и беззаботность не давали ни малейшего намёка, что через несколько часов, все они ползут в подземелье покинутое людьми более 12 веков назад. Вероника, зная местные нравы, коррупцию и родство почти всех жителей Паленке и ближайших деревень, запретила Мариям брать с собой фонари, комбинезоны и тем более лопаты и ломы. Только экшн и фото камеры. Ведь она слышала кучу историй, когда не уполномоченные правительством исследователи, да и просто охотники за сокровищами и древностями, оказывались в полицейском участке сразу за порогом аэропорта. И им ещё повезло. Были и такие, которые бесследно исчезали или погибали. Марии послушно выполнили просьбу Вероники, за исключением одного прибора, который для несведущего глаза походил на громоздкую камеру для 3D съёмки и не вызвал никакого интереса ни у службы безопасности аэропорта Паленке, ни у местной полиции.

— В сарае моих родителей есть все необходимые инструменты, фонари и спецодежда, — ещё в Мехико, при подготовке к поездке, пояснила Вероника, Мариям, а на их вопрос, «не сдадут ли её родственники нас всех», ухмыляясь, попросила об этом не беспокоиться, — платой за их молчание будет мой приезд и ваше умиление их гостеприимством, и конечно наши подарки. Под подарками она подразумевала типичные русские сувениры: матрёшку и красную шапку-ушанку, которые остались у Маши, после одаривания другими подобными безделицами родителей Марии.

Когда шоссе 199 достигло ответвления на Сан Мануэль, о чём уныло сообщал побитый ржавчиной рыже-белый щит, Вероника, свернув на указатель и, не обращая никакого внимания на опасные склоны и повороты, ускорила дряхлый внедорожник. После Сан Мануэля и

ещё нескольких километров почти бездорожья, джип с девушками добрался до конечной точки сегодняшнего путешествия — Вавилонии, где, лихо миновав несколько пыльных перекрёстков и, повернув на юг, остановился у ворот небольшой асьенды, расположенной на самом краю деревни. Это был дом Вероники. Отсюда, до развалин Паленке, по прямой, было два с небольшим километра.

— Приехали, — весело улыбнулась Мариям будущая директриса и громко просигналила в закрытые ворота.

Минуту спустя, узкое смотровое окно в деревянных воротах распахнулось и два чёрных глаза с любопытством уставились на приезжих. После короткого замешательства последовал выкрик на майянском, ворота открылись и высокая, с нетипичным для местных жительниц обликом, женщина, выскочила навстречу пыльной машине девушек. Это была мама Вероники. Вероника, оставив водительское сиденье, бросилась навстречу маме, и пока мать и дочь трогательно обнимались и целовались, Марии дивились их потрясающему сходству, более присущему сёстрам, нежели матери и дочери. После бурной встречи с дочерью, Селена, так звали маму, пригласила Марий в дом, и пока Вероника затворяла ворота, и загоняла джип под навес в большом, мощёном брусчаткой, дворе, показала гостям их комнаты:

— Располагайтесь и будьте как дома. Как устроитесь, приходите в гостиную, — Селена оставила девушек и исчезла в глубинах асьенды.

Марии поблагодарили Селену за гостеприимство, побросали рюкзаки и ветровки по кроватям, и вернулись в большую гостиную, через которую они только что проходили. Здесь, на огромном кожаном диване, вытянув ноги, на довольно изящный для деревни, низенький столик, уже расположилась Вероника.

— Садитесь, мама сейчас принесёт холодный лимонад, и обувь можете не снимать, — пояснила Вероника свою расслабленную позу.

Почти вслед за этими словами в гостиную вошла Селена, неся громадный поднос с двумя большими кувшинами лимонада, стаканами, тонкими тортильями и нарезанным запечённым мясом, к которому шёл коричневатый соус моле.

— Это я попросила маму, не отягощать Машу острыми блюдами, а то нежный европейский желудок может не выдержать, — прокомментировала Вероника внесённую снедь и, встав с дивана, помогла маме рассервировать содержимое подноса на низенький столик, на котором только что были её ноги и ботинки.

— Перекусите с дороги, пока я приготовлю что-нибудь посущественнее. Вероника помоги! — и мама с дочерью, оставив Марий, вдвоём скрылись в недрах дома.

Профессорши, сидя, пили лимонад, но к еде даже не притрагивались — во-первых, они совсем недавно плотно позавтракали, а во-вторых, сегодня было довольно жарко и душно, несмотря на то, что август в Мексике зимний месяц, так что мысль о мясе была им почти противна. Пока хозяйки были заняты на кухне, Марии, отдыхая от жары и попивая лимонад из манго, обсуждали весьма элегантный и даже богатый интерьер не только гостиной, но и всех уголков асьенды, где они уже успели побывать. Эта зажиточность выглядела немного странной для той неустроенности и бедности, которая бросалась в глаза на каждом шагу и в Паленке, и тем более в этой деревне, и у Марий поневоле возникли подозрения, а не промышляет ли семья Вероники чем-нибудь незаконным. Появившиеся в гостиной хозяйки дома с уже знакомым громадным подносом отвлекли профессорш от тревожных мыслей, а последовавший следом разговор и вовсе развеял их.

— Я же говорила, что они не будут сейчас есть мясо, — совершенно не церемонясь, отметила Селена нетронутость еды, — мяса вам захочется, когда вы возвратитесь из подземелья.

Марии смутились и переглянулись между собой, а затем вопросительно посмотрели на Веронику.

— Не тревожьтесь, я с Вероникой всегда заодно, — улыбнулась Селена, а Вероника, подтверждая хмыкнув, беззаботно дёрнула плечами. И, поставив поднос на низенький столик, мать и дочь уселись на диван рядом с Мариями. На подносе были три чаши, большая с начос, и две поменьше с гуакамоле — авокадовым и манговым, и чистые тарелки.

— Холодная закуска будет сейчас более кстати. Кушайте, пока не нагрелась. Это с авокадо, а это с манго, — и подавая пример гостям, Селена столовой ложкой положила на свою тарелку аппетитный гуакамоле, рукой насыпала хрустящие начос и, обмакнув кукурузную чипсину в зелёную гущу индейского пюре, аппетитно захрустела прохладным угощением.

Марии и Вероника, следуя примеру «старшего товарища», так же рассортировали чипсы и зелёное пюре по своим тарелкам, и через мгновение, хрустящий звук, крошащихся уже в четырёх ртах начос, заполнил собою всё пространство гостиной. За этим вторым и гораздо более аутентичным, нежели в отеле, завтраком, профессорши были посвящены не только в историю подземелья, но и в дела семейства Вероники.

— Когда вы рядом, в вас невозможно заподозрить маму Вероники, вы скорее сёстры, нежели мать и дочь, — искренне восхитилась Маша молодостью и красотой Селены, — и вы похожи, почти, как двойняшки.

И действительно, когда мама с дочерью сидели, вот так близко, как сейчас, лишь едва заметный платиновый блеск в волосах, да еле видимые морщинки, подбирающиеся к огромным чёрным глазам Селены, заставляли усомниться в том, что перед вами сёстры.

— За это нас здесь не очень любят, — нежно чмокнув маму-сестру в щёку, согласилась с комплиментом Вероника, — и не только за это. Мы совсем не похожи на индейцев. Это удивительно, ведь и мой папа, и дедушка, и прадедушка были из местных индейцев, а значит невысоких, коренастых и коротконогих. Как будто индейский бог, то ли напоминая нам о «грехе» нашей пра-пра-прабабки, то ли наоборот, поощряя её любовь с гринго, провёл через почти пять сотен лет эти «белые» гены. И что особенно странно, провёл их, сохраняя исключительно в женщинах нашего рода. Мои братья, — Вероника показала гостям фото братьев на экране своего смартфона, — такие же майя, как и все в нашей деревне, а я, мама, бабушка, прабабушка, мы все метисы. Мам, покажи наши семейные альбомы.

Селена покинула застолье и, подойдя к большому светло-коричневому шкафу, со стеклянными дверцами, достала оттуда три больших альбома с фотографиями. По массивным кожаным грязно-коричневым переплёткам было件нятно, что два из них очень старые, возможно, возрастом более 100 лет, а один простенький, современный, с обложкой из простой матерчатой книжной ткани, но того же цвета, что и два его древних собрата. Вероника расчистила пространство на столе для альбомов, а Селена, вернувшись на своё место на диване, открыла на вид самый старый из них. Фото в основном были однообразные — предки Селены и Вероники: рядом со своей асьендой, на рынке, на лошади, на повозке, рядом с повозкой, около католической церкви, у приходской школы. Менялись только одежда, сами поколения предков, ну и конечно признаки, по которым угадывался технический прогресс. Что сразу бросалось в глаза при просмотре этой фото-истории, это «разнообразие» мужчин и «однообразие» женщин. Мужчины были хоть и похожи, но всё-таки различались лицами, фигурой и осанкой. А вот женщины, подтверждая тезис Вероники о генах гринго, пробившихся через столетия, были словно на одно лицо. «Прямо переселение душ, какое-то», — не сговариваясь, думали Марии, рассматривая на фотографиях «красивую половину» этого семейства. «Может, они ведьмы. С другой стороны, тем лучше. Не только человеческие силы будут помогать нам, когда мы полезем в подземелье», — чувствуя покалывающий холодок по спинам, продолжали синхронить мысли Марии. Если бы они знали, что это, последнее предположение, было почти в точку. Селена и Вероника были потомками жены того самого жреца, которого, индейские боги, 500 лет назад, живо захоронили в его собственном храме.

— Все женщины в вашем роду, словно на одно лицо, — осторожно натягивая улыбку, «учитывающую вновь открывшиеся обстоятельства о ведьмах», вымолвила Маша. А Мария, с точно такой же, как у подружки по оружию, миной, согласно и сдержанно кивнула головой.

— Наша 500-летняя прабабка, была женой последнего жреца храма, куда вы собираетесь сегодня пойти, — вдруг, и совершенно будничным тоном, сообщила Селена сенсационную новость Мариям, — это не такая уж тайна, и она известна всем нашим соседям. Я про прабабку и про храм, — мама Вероники равнодушно ухмыльнулась, — как рассказала мне моя мама, а ей её мама, ну и так 500 лет кряду — наша прабабка, 500 лет назад, согрешила с миссионером или монахом, а может и просто испанским солдатом, и родила дочку-метиса. С тех самых пор все девочки в нашем роду только метисы и почти, как вы выразились, на одно лицо. А ещё, и это для вас будет самым интересным, жрец допустил в свой храм этого чужака-испанца — наставившего ему рога, и за эту вольность индейские боги жреца и убили... Они погребли его прямо в собственном храме. После всего случившегося нашу прабабку возненавидели, потому что считали её виновной не только в разрушении храма и смерти жреца, но и в упадке всего Lakam-Ha?. Хотя, как можно прочесть в интернете, и до этого происшествия, Lakam-Ha? целых 700 лет пребывал в запустении. Вы спросите, как же так, как нашей прабабке удалось выжить и не быть растерзанной толпой. Несомненно, если бы это произошло в Испании, то так бы и было, и костёр стал бы для неё и её незаконной дочери последним «пристанищем». Но здесь прабабку боялись, и просто выгнали из деревни. Как ей тогда удалось выжить, я не представляю. Но, она не только выжила, но и сохранила свой род ещё на 500 лет. Вы позволите мне задать вопрос? — неожиданно обратилась Селена к Мариям.

Марии переглянулись и, продолжая угощаться начос с гуакамолем, синхронно кивнули головами, и доброжелательно заулыбались.

— Как у вас в руках оказались папирусы из нашего храма? Мне Вероника сказала, что вы написали иероглифы майя из них? — и, заметив волнение на лицах гостей, добавила, — не беспокойтесь, я ведь уже говорила, что всегда заодно с дочерью.

Марии снова переглянулись, и «сознались», что несколько дней назад получили фото папируса, ничего не зная о том, что он из «подземного храма». И вообще, им и в голову не приходило, что папирус из Lakam-Ha?. И если бы не случайная встреча с Вероникой, они бы до сих пор кутили по клубам и барам, дожидаясь, пока подлинник папируса прибудет из США.

— Это удивительно... — Селена смолкла и о чём-то задумалась. Профессорши и Вероника терпеливо и даже с каким-то почтением ждали, пока она вновь заговорит, — 500 лет назад, — продолжила Селена прерванную речь, — наш пра-пра-прадед забрал отсюда то, о чём не имел никакого понятия, и возможно даже воспринимал, как какие-то занятные письмена туземцев. Я видела в интернете... эти... кодексы майянских рукописей, которые почему-то не были уничтожены гринго. Один из кодексов даже «повторно уцелел», когда был обнаружен в корзине для бумаг на выброс... У меня фотографическая память и я помню большинство иероглифов в нашем храме, хотя и не понимаю их значения. В нашей школе ведь не преподают письмо майя, зачем... для работы то нужен только испанский... И когда сегодня, пока мы замешивали гуакамолем, Вероника рассказала, что вы знаете иероглифы из нашего храма, я сразу поняла, что к вам попали папирусы, подаренные нашим жрецом нашему пра-пра-прадеду. Ведь в тех... папирусах... кодексах... которые уже всем известны, нет «наших» иероглифов. Я просматривала эти кодексы много раз, думала, что так найду нашего с Вероникой предка. Того испанца, в которого влюбилась наша пра-пра-прабабка... Тот, кто прислал вам фото наших папирусов, вы знаете, как они к нему попали? — Селена с робкой надеждой посмотрела на профессорш.

— Мама, 500 лет прошло, ты на самом деле думаешь, что сейчас Маша или Мария назовут имя нашего прадеда, — Вероника обняла маму за плечи и сочувственно ухмыльнулась, — а даже, если и так. Что нам с того? Мы 500 лет «прожили» без него...

Селена не ответила на упрёк дочери, потому что всё ещё отказывалась признавать, что события 500 летней давности прямо сейчас наступают её семью. И дело было вовсе не в её пра-пра-прадеде испанце, хотя он и занимал её, виной всему были видения, появившиеся пару месяцев назад, и всё чаще и чаще беспокоившие не только её, но и Веронику. Не обращай на них внимания, — всегда смеялась над мамиными страхами дочь, — я не верю в эти майянские штучки! Но, Селена чувствовала какую-то опасность, и на всякий случай попросила Веронику никому о видениях не рассказывать, а сегодня, когда узнала, зачем пожаловали профессорши, напомнила дочери о своей просьбе. Дочь пообещала молчать, и Селена немного успокоилась.

— Нам неизвестно, откуда у американца папирус, есть только фото папируса. Хотите посмотреть? — спросила Мария и, не дожидаясь ответа, открыла на экране своего смартфона одну из сторон первого казачьего листа, после передала смартфон Селене, а сама вернулась к завтраку.

Потомки любви монаха и неверной жены жреца прильнули к экрану. Вероника больше с равнодушием, а Селена с почти благоговейным трепетом. Пока мама уменьшала, приближала и перемещала картинку, дочь, поучаствовав в созерцании «семейной» реликвии первые несколько секунд, снова обратилась к начос с гуакамоле. Глядя на безразличие Вероники, Маше вдруг пришло в голову, насколько могут не совпадать желания не только «отцов и детей», но и вообще людей, объединённых, казалось бы, одной целью.

— Они обе майя, но как разнятся их отношение к происходящему, — думала Маша, наблюдая холодное спокойствие дочери и неутомимый интерес матери, — а ведь мы с Марией ничем не лучше. Нас тоже, порою, перестаёт волновать культура майя — в глубинном её понимании, и ладно меня — я из России, но Мария, с которой если сдуть её весь столичный и научный снобизм — и есть майя. Мы просто погрязли в материальном, оправдывая это исключительно наукой. Да, да, и нечего себя защищать. Я иногда перестаю болеть всем этим, и тогда случаются такие вещи, как это сообщение от Марии, которые вновь зажигают во мне тот самый, детский, юношеский задор. Но теперь, когда мы в полутора километрах от нового открытия в майянской культуре за последние лет 30, во мне прямо какой-то могильный холод. И мне как будто совсем не хочется идти в это подземелье. Странно всё это... Не иначе это индейские боги что-то хотят нам сказать... Нет, ерунда. Наоборот, всё складывается слишком даже удачно: наша с Марией статья о метрической системе майя, папирус американца, встреча с Вероникой, подземный храм — в котором, скорее всего мы найдём надписи и рисунки всех казачьих листов (а значит, мне можно не говорить Марии, что я утаила от неё второй лист и родственника белогвардейца), ...билет до Паленке, ну и на закуску «переселение душ» в потомках конкистадора по женской линии. И весь этот гладкий путь, не смотря на отвратительное материальное — наши диссертации и директорство Вероники...

— Это точно из нашего храма, — прервала размышления Маши и второй завтрак Марии и Вероники, Селена, — я хоть и видела эти иероглифы и рисунки много раз, но только теперь, когда на этом папирусе они расположены в таком порядке, поняла, что это части какой-то машины или прибора. На стенах храма это выглядит совсем по-другому, как какие-то предания или индейские хроники. Что здесь написано? — указала Селена на самый крупный иероглиф и посмотрела на профессорш.

— Большая вода, — сбивчивым хором ответили Марии.

— Lakam-Ha?? — переспросила Селена на майянском.

— Именно, — подтвердила Мария.

— Так вот, почему Паленке называется Lakam-Ha?! Из-за этой схемы! У вас есть предположения, для чего она? — Селена смотрела на Марий, а в голове у неё копошились неясные куски из её видений.

— Мы не знаем, — Мария повернулась к Маше, — понятно, что это чертежи частей чего-то большого, но чего именно... Но мы не думаем, что это имеет какое-то прикладное значение, — закончила сбивчивое объяснение профессорша.

— Что бы это ни было, — подхватила гипотезу коллеги, Маша, — это не более чем предположения сходные с фантастическими теориями о геоглифах Наска и надгробиях, где одежда индейца майя напоминает снаряжение космонавта. К сожалению, наукой все эти выдумки никак пока не подтверждены.

— Значит... — Селена с недоверием скакала взглядом с одной профессорши на другую, — вы...

— Именно так, — перебила Мария, угадав ход мыслей Селены, — мы не пришли сюда в поисках «божественных технологий» или инопланетного присутствия. Мы хотим всего лишь нескольких вещей: открыть миру настоящий Lakam-Ha?, написать пару диссертаций, и сделать Веронику директором музея «Большой воды».

— Вы забыли про бизнес-идею для наших соседей, — скромно напомнила «будущая директриса».

— И, всеми сотрудниками музея (за исключением научных работников), а также торговцами сувенирами будут ваши односельчане. Можно даже в деревне открыть какое-нибудь мелкое производство сувениров, а не закупать их в Китае, — дополнила Мария свои «несколько вещей».

— Думаете, получится, — в голосе Селены прозвучало сомнение.

— Я в этом уверена. У меня большие связи в правительстве, и мне будет легко добиться, чтобы ваш музей стал филиалом музея Майя, а Вероника — моим заместителем по науке. Майянский она «уже» знает, закончит экстерном несколько курсов в университете Мехико и вуа ля! А сувениры, это вообще легко, — и Мария нисколько не преувеличивала, ведь одним из её бывших любовников был очень влиятельный чиновник одного из министерств.

— А теперь подарки из России, — это Маша только сейчас вспомнила, что у неё припасено несколько сувениров, про которые она совсем позабыла, — пойду, принесу.

Маша быстро сбегала в свою комнату и вернулась с большой матрёшкой в руке и красной шапкой-ушанкой на голове. Селена примерила шапку, с помощью Маши расставила на столе матрёшек по росту, и кажется, отбросила мучавшие её сомнения, и не столько о карьерных перспективах дочери и бизнес возможностях односельчан, сколько о последствиях открытия миру настоящего Lakam-Ha?. После этого майянская трапеза была продолжена, а Селена вернулась к альбомам и разговорам о своём семействе.

— Мой муж, отец Вероники, давно умер, а двое сыновей, как и их сестра, перебрались в Мехико. Правда, в отличие от сестры — не насовсем. Они работают там «вахтовым методом», то на стройке, то курьерами... В общем, в тех местах, где хватает их школьного образования. Я не обижаюсь на дочь из-за переезда, а на сыновей наоборот сержусь, за то что они, вместо того, чтобы осесть в Мехико, все свои заработки тратят на переустройство дома.

— Уф! — про себя выдохнули Марии, заподозрившие было недостаток в асьенде в «чём-то незаконном».

— Вы знаете, что Вероника откладывает деньги на собственный бар в Мехико? — Селена с гордостью взглянула на профессорш.

— Нет, она нам не говорила об этом, — хитро улыбнулась Мария, — но, теперь, у неё скоро появится альтернатива, если конечно с музеем Большой воды всё получится.

Вероника пожалала плечами, и казалось, совсем не разделяла энтузиазма Марии насчёт музея, а больше полагалась на хоть и более хлопотный, но близкий и понятный для неё план с баром.

— Я поддерживаю Веронику, и даже готова продать асьенду, чтобы помочь с баром, — Селена почти мечтательно закатила глаза, — здесь, в этой нищете и безысходности, делать

нечего, и с каждым годом становится только хуже. В Lakam-Ha? работы для всех нет, и в отелях в округе тоже, ведь туристы, как правило, приезжают на один-два дня. Здесь не Канкун и не Акапулько. В самих «развалинах» платят неплохо, если ты гид и знаешь три или четыре европейских языка. В отелях же или если продаёшь сувениры — заработок совсем крошечный, хотя и несколько больший, чем у несчастных фермеров. Поэтому, я своих детей поддерживаю, пусть работают и живут в Мехико. Правда оболтусы сыновья, в отличие от дочери, говорят, что город им не нравится, и они до конца жизни хотят в Мехико работать, а в Вавилонии жить.

— Значит, если с музеем получится, вы расстроитесь? — то ли серьёзно, то ли шутя, заметила Маша.

— Нет, скорее задумаюсь... — Селена захлопнула альбомы с фотографиями.

— О чём?

— Вавилония нас будто не отпускает. Несколько поколений наших предков хотели уехать отсюда. Ну, как минимум, за последние лет сто. Но всегда возвращались... Сыновья мои тому яркое подтверждение. А теперь эта история с музеем, и вашей случайной встречей с Вероникой... Вы бы что подумали? — Селена сжала губы, а глаза её заострились.

— Что это проделки индейских богов! — задорно протараторила Маша, давая понять своей беззаботностью и весёлостью, что она совершенно не верит ни в богов, ни в какие-либо другие мистификации. Хотя, на самом деле, даже её, кандидата наук, всё больше беспокоили совпадения, слишком удачно нанизывающиеся друг на друга, — нет, даже не смей развивать эту тему, — радужно улыбаясь Селене, молча, бичевала свою «ненаучную подоплёку» Маша, — только наука, никаких глупостей!

— Я была бы рада разделить с вами вашу игривость... — Селена встала с дивана и, собрав в стопку альбомы, направилась к шкафу. Похоже, история семейства жреца-отступника и его потомков подошла к концу.

— Что значат ваши слова о пра-пра-прадеде, который «не имел понятия» о том, что за рукописи к нему попали? — спросила Мария, решив немного продлить повествование о 500-летней истории семьи жреца.

Селена убрала альбомы в шкаф со стеклянными дверцами и, обменявшись быстрым взглядом с Вероникой, безразлично произнесла:

— Он мог не понимать нашей письменности, как и я с Вероникой, а даже если и понимал, почти наверняка счёл нарисованное и написанное за религиозный обряд или выдумку индейцев.

Марии сделали вид, что поверили в объяснение неосторожной оговорки, а Селена, вглядываясь в их непроницаемые лица, лишний раз убедила себя, что никому нельзя рассказывать о появившихся у неё и Вероники видениях.

Вернувшись за стол, хозяйка дома поинтересовалась, как гостям её индейское угощение. Марии искренне поблагодарили за гуакамолу и начос и добавили, что кажется объелись. Селена с Вероникой расплылись в благодарной улыбке, им было очень приятно, что явно «прожжённые» разнообразными вкусами профессорши, не только хвалят их стряпню, но и с удовольствием «объедаются» ею. От еды разговор сместился в личную жизнь трёх девушек, одиночество и бездетность которых Селену почти возмущали. Она недоумевала почему у Марий, уже добившихся значительных высот в карьере, нет, не только семей, но даже постоянного парня: «С Вероникой, мне хотя бы понятно, она копит на бар, и у неё нет жилья в Мехико, но вы... Зарплата профессора в Москве и Мехико наверное хорошая, жильё есть...». На что профессорши, как ни странно поддержанные Вероникой, защищаясь, приводили целую кучу причин и помех: «Нас боятся мужики, мы слишком самостоятельные и деловые, ну и предполагаем, что ещё и умные, — Марии громко расхохотались, — а умным, успешным и красивым женщинам приходится непросто. Если по материальному достатку мужиков хватает, и даже с переизбытком, то по уму и интересам прямо беда. Это не значит, что все самцы, из тех, кто нам «попа-

дался» — глупы. Как раз наоборот. Просто есть один, точнее целых два важных нюанса. Наши интересы столь специфичны, что найти родственную душу, почти невозможно. Ну, сколько в Москве и Мехико (хотя в Мехико больше) людей «горящих» майянской или вообще индейской культурой? Прибавьте к этому частые, порою многонедельные экспедиции... При этом, мы не говорим, что совсем не интересуемся ничем, кроме науки. Но наша работа, майя, экспедиции для нас очень важны. Хотя не скроем, бывают моменты, и не редко, когда наша любовь к майя охладевает. Но эта слабость, и желание быть как все, быстро проходят... Поэтому, нормальный в обывательском понимании мужик, нас, просто, долго не выдержит. И, ни красота, ни ум тут не спасают. Мужики из «нормального» мира сначала отдаляются, потом начинают изменять... Проверено на нас обеих. Поэтому, либо как у Марии — бесконечный каскад из просто привлекательных самцов и никаких обязательств, либо как у Маши — ни секса, ни самцов!» Вероника, вторя профессоршам, добавила свою «ложку дёгтя»: «Сейчас парень мне будет только мешать, его будет бесить, что я решаю всё сама, работаю почти до утра, потом сплю. У меня не остаётся сил не то, что на любовь, я даже еду ленюсь порою приготовить. Кому из «нормальных» я нужна. Коллег не предлагать! У них, почти у всех, есть одна отвратительная вредная привычка, доступные и пьяные бабы».

— Замкнутый круг, — с иронией заметила Маша, и тут же добавила, — но мы с Марией надеемся на лучшее.

— А, я, — скривила лицо Вероника, — пока не накоплю на бар, даже думать о любви не хочу.

— Маша, ну неужели, ни среди ваших коллег — учёных, ни среди этих... которые учатся на учёных... — запнулась Селена.

— Это аспиранты, — подсказала Маша.

— Да! Ни среди тех, ни среди других, нет парней, которые вам нравятся? — Селена, очевидно, не восприняла доводы Марий.

— Нет! Клянусь!.. Мы фанатички науки — даже, несмотря «на редкие минуты слабости». Наука — это, и наша радость, и наша боль. И, если не учитывать спонтанные и короткие романы, мы одиноки. Нам пока ещё не повезло найти Пьера, как это случилось с Марией Кюри.

По недоумённым гримасам Селены и Вероники, профессорши поняли, что хозяйки асьенды никогда не слышали о знаменитых супругах. И тогда Мария, как опытный лектор и тёзка великой женщины химика, провела пяти минутный экскурс о жизни и работе двух культовых нобелевских лауреатов.

— А вот если Вероника станет директрисой музея, а значит, бросит ночные смены и мечты о собственном баре, то наверняка быстро найдёт мужа, — игриво подытожила Мария, — так, что, для неё Вавилония может быть и не таким плохим вариантом.

— Не «каркайте»! — наслаиваясь друг на друга, завопили мама с дочерью.

— В том смысле, что мама готова терпеть моё одиночество, пока воплощается моя бизнес-идея, чем нам навсегда застрять в Вавилонии, — краснея, призналась Вероника.

Профессорши, услышав это странное пояснение, подумали об одном и том же — если жизнь в Вавилонии и Паленке, настолько противна потомкам адюльтера жены жреца, к чему эти разговоры о директрисе музея, и решили выяснить причину подобного раздвоения личности до того, как полезут в подземелье.

— Если вы так хотите отсюда сбежать, зачем тогда Вероника соглашалась стать директором музея? — почти возмутилась Мария, — я уверена, найдётся куча желающих на эту должность и без неё, например — из тех же гидов по руинам LakamHa?

— Я не знаю... — смущённо расстроилась своему двуличью Вероника, — наверное, потому, что боялась вас огорчать. Вы так хотели меня отблагодарить... за мою помощь... Может, мои братья согласятся... Хотя, если мы продадим асьенду... — не состоявшаяся директриса виновато посмотрела на профессорш. Веронике было очень стыдно признаться, что

единственной причиной её согласия на эту поездку — была оплата Мариями всех дорожных и сопутствующих расходов.

— Ты вовсе не обязана... Я просто подумала, что эта должность может быть тебе интересна... Но, если ты окончательно решила, что хочешь жить в Мехико, тогда, конечно, эта работа не для тебя. Директору LakamHa? нужно быть в LakamHa?... А, что касается жителей Вавилонии и их торговле сувенирами, я всё же, могу это устроить...

— Спасибо, — Вероника скромно потупила глаза.

— Пожалуйста, — дружелюбно улыбнулась Мария.

— У меня вдруг появился немного странный вопрос. Можно сказать, даже «научный», — бесцеремонно вклинилась во взаимное изливание любезностей, Селена, — на папирусе написано Большая вода, почему вы говорите, что даже не предполагали, что папирус как-то связан с Паленке. Ведь заглавие прямо указывает на это?

Марии, обменявшись игрой взглядов, решили, что на этот «каверзный» вопрос ответит Маша:

— Очень просто. На нас подействовала «научная слепота» — это когда, так много известно о чём то, что, перестаёшь замечать даже вопиющие «подсказки». Руины Паленке исследованы вдоль и поперёк — съёмка со спутников, радиолокаторы, георадары, классические раскопки. Невозможно поверить, что на таком небольшом участке земли что-то могли пропустить. А ещё, мы с Марией почти наизусть знаем все иероглифы майя в руинах Паленке. Такого набора иероглифов, как в папирусе американца, в Паленке нет. Когда я только прилетела в Мехико, в первый же день, мы пролистали каталоги по всем известным «местам майя». В первую очередь по Паленке. Нигде нет хоть какой-то значимой части иероглифов из папируса. Максимум от двух до пяти. Причём в Паленке только два! Боги майя очень тщательно хранили от гринго свою тайну... И, второе... Если в исторических подлинниках документов фигурируют слова, даже полностью совпадающие с географическими названиями, это совершенно не означает, что в местах упомянутых в документах ты что-нибудь найдёшь... Переименования, названия «с потолка», враньё писца, ошибки...

Когда Маша закончила краткий экскурс в будни учёных-археологов-географов, Вероника, вспомнив, как познакомилась с профессоршами, ещё более уверилась в том, что индейские боги, так долго скрывавшие храм Большой воды, сами зачем-то ведут туда гринго...

Остаток дня женщины посвятили снаряжению ночной экспедиции. Ночной, потому что, при свете дня, компания в недвусмысленной одежде и обвешанная таким же недвусмысленным оборудованием, несомненно будет замечена. Ведь это только кажется, что пыльная деревня равнодушна и грезит лишь о спаде хоть и зимней, но духоты, и никому нет никакого дела до других. Никогда не верьте столь благостной картине. Потому что, всегда, найдётся пара любопытных глаз, которая в самый неподходящий для вас момент окажется в окне или появится на улице. Именно поэтому и, несмотря на огромное желание и просьбы Селены присоединиться к походу в подземелье, было решено оставить Селену дома «следить за обстановкой», а ещё, как страховку от всех вероятных и тем более невероятных случайностей. После такого распределения ролей, все дружно занялись подготовкой амуниции. Амуниция хранилась в сарае во дворе и, на первый взгляд, представляла собою кучу хлама, совершенно непригодного к использованию.

— Всё это осталось от моего мужа, — пояснила Селена, когда распахнула ворота сарая и включила там свет, — не обращайтесь внимания на ужасный вид, это всё пыль. Всё, что здесь есть — работает и в отличном состоянии, — и в подтверждение своих слов, взяла с полки ближайшего к ней металлического стеллажа что-то упакованное в чёрный пакет для мусора. Сбив пыль рукой, Селена развязала аккуратный узел на пакете и достала из него ровно сложенную ткань цвета хаки, которая оказалась идеально чистым комбинезоном с карманами на груди и штанах, — муж ненавидел неисправные инструменты и грязную спецодежду, а я и дети всем

этим не пользуемся, отсюда и пыль, — пояснила она фокус с пакетом, — я даже не помню, когда последний раз была в этом сарае.

Профессорши и Вероника, не ожидая дальнейших пояснений и приглашений, разбрелись по мечте кладоискателей и принялись копать в наследстве хозяйственного индейца. После привыкания к пыли и вездесущей паутине, женщины, две из которых были здесь впервые, а две другие почти никогда сюда не навывались, дружно оценили порядок и продуманность всего складского хозяйства. В сарае было абсолютно всё — инструменты, комбинезоны, строительные каски, налобные фонари, мощные переносные светильники, перчатки, резиновые сапоги (всё-таки продолжался сезон дождей), различное переносное электрическое оборудование. Через пару часов, мелькнувших секундой, три экспедиционных комплекта: из грубых, но удобных комбинезонов, касок, налобных фонарей, фляжек с водой, раций и огромных, натягивающихся прямо на ботинки сапог — были готовы и перенесены в дом. А ещё лопата, кирка, лом и мачете — ведь неизвестно, в каком состоянии будет импровизированный вход, потому что постоянные мини оползни и бурная растительность могли его завалить. Ну и завершали готовность к спуску в подземелье: переносные светильники и аккумуляторы для них. Вероника, которая была в подземелье, наверное, лет 7 назад, честно призналась Мариям, что совсем не уверена, что вспомнит где вход: «Я была там ещё подростком, и насколько мне известно от братьев и мамы — туда никто не ходит (Селена кивнула головой), все боятся проклятия богов». Марии, перекрёстно ухмыльнувшись и, показав маме с дочерью устройство похожее на большой Polaroid — это был георадар, уверили Веронику, что пусть она только подведёт их к примерному месту, и вход будет найден ими за пару минут. За всеми этими сборами и разговорами настало время полдника, а ещё через несколько часов стемнело.

— Почти 8 вечера, — Мария посмотрела на часы в смартфоне, — думаю выдвигаться можно часов в 10. В деревне же все рано ложатся спать? — на вопросительный взгляд Марии, Селена ответила утвердительным кивком.

— И рано встают. Многие уже в половине шестого на ногах, — предположив следующий вопрос от профессорши, опережающее пояснила Селена.

Поздний вечер в неосвещённой Вавилонии был хоть глаз выколи — ни клочка света из зашоренных от солнца окон, ни почти невидимой из-за августовского новолуния луны, ни хмурых звёзд, задрапированных набежавшими тучами, как раз к сезону дождей. Всё это было и на руку, и нет, для троицы отчаянных женщин рвущихся, хоть и в хорошо исследованные, но всё же джунгли. Отчаянных, потому что, в чёрной траве, на мрачных деревьях и всей прочей негостеприимной и пугающей темнотой растительности, кроме опасных насекомых и обжигающей едким соком флоры, были и ядовитые змеи. Ну, с Богом, — Селена, по-католически, слева — направо, перекрестила молодых женщин и открыла дверь дома, — фонари включайте только, когда минуете плантации и углубитесь в лес. — Девушки кивнули и зашлёпали по двору безразмерными сапогами. В почти кромешной темноте они сливались в бесформенную колышущую массу, пугающую и странную. Селена отворила калитку, высунула голову за пределы асьенды и, убедившись, что вокруг ни души, ещё раз перекрестив исследовательниц, выпроводила их на улицу.

Девушки выслушали сухие щелчки запирающегося замка, и гуськом зашелестели по пыльной дороге. Было прохладно и влажно, и их ветровки, джинсы и футболки, сплюснутые плотными комбинезонами и тяжёлыми рюкзаками, быстро набирая воду, противно прилипали к ногам и телу. Дождь начал моросить огромными каплями, а потом ринулся лить свежим, холодным потоком, уравнивая влажностью одежду, обувь и снаряжение нашей троицы. Когда миновав 500 метров, девушки дошли до Рио Чакамас, их бесформенная видимость, сдобренная тропическим ливнем, наверное, привела бы в трепет любого, оказавшегося на их пути. Вода уже до краёв наполнила их сапоги, которые мерзко квакали, подражая огромным ядовитым жабам. Вероника первой вступила на каменистое, скользкое и иссиня чёрное дно мутного

потока, опираясь на лом, и с трудом балансируя меж двух водных стихий. Марии послушно следовали за ней, втыкая лопаты в глиняную топь. Глаза девушек свыклись с тугой темнотой и уже различали не только друг друга, но и довольно далёкие для такой мерзкой ночи предметы. Река осталась позади, ливень пошёл на спад, вода из сапог была слита, а троица вступила на плантации жителей Вавилоны. Семья Селены свою землю давно не обрабатывала, а сдавала в аренду односельчанам и, как правило, не за деньги, а за часть урожая выращенного на ней. Наконец позади остались окультуренные человеком поля, и начались джунгли. Вероника остановилась, включила налобный фонарь на оранжевой каске, подождала, пока тоже сделают Марии и, держа лом наперевес, шагнула в чёрное, лесное, тропическое марево. Дело оставалось за малым, вспомнить, где в этой крошечной непролазной тьме вход в храм Большой воды. Дождь прекратился, тучи слегка разбрелись и открыли часть ярких южных звёзд, и отдающую серым луною, но их света было явно недостаточно, чтобы раздвинуть мрачный неприветливый истекающий водой лес. Только три налобных фонаря, бряцающая яркими бело-голубыми лучами — в такт опасливым и скользким шагам девушек, безуспешно пытались покончить с мрачным ночным миром. Вероника не в первый раз была в лесу ночью, и ей, родившейся и выросшей настоящей скво, темнота не должна была бы доставлять скольких значимых затруднений, но сегодня она не узнавала свой родной лес. Виной ли тому была безлунная ночь, или яркие огни Мехико, отбившие у скво навыки следопыта, но через четверть часа Вероника поняла, что впервые заблудилась. Экспедиция остановилась, у проводника уже на подходе был приступ паники, когда, внезапно, левый сапог Маши провалился в размякший грунт. Мария включила «Polaroid», который, пристроился на её животе в непромокаемом, прозрачном чехле, направила его невидимый луч в ноги Маши и, радостно вскрикнув, показала подружкам прямой как стрела, примерно 2-метровый тоннель, под 45 градусов уходящий в землю.

— Похоже, вы стоите на площадке входа в храм, профессор, — фамильярно поделилась радостью с Машей, Мария, — я знала, что индейцы филигранно ориентируются в лесу, но в этой полнейшей тьме... не скрою, ты меня впечатлила, — похвалила Мария, Веронику.

Вероника нелепо улыбнулась, а Марии, списав столь диковинную гримасу своего проводника на коварные лучи налобных фонарей, бодро закопали. Две лопаты, не останавливаясь, отбрасывали в стороны гроздь земли, а Вероника, всё ещё пребывая в шоке от своего «филигранного ориентирования», тупо смотрела на суетящихся в дрожащем свете фонарей профессорши. «Индийские боги хотят этого», — без конца про себя твердила она. Наконец, одна из лопат гулко стукнула о камень, а ещё через несколько энергичных копков, оголилась и первая ступень. Марии не останавливались и копали с удвоенной энергией. Ещё несколько минут и вся земля завалившая проход была выброшена из тоннеля. Выкрикнув что-то бессвязное, профессорши, выставив грязные лопаты перед собой, фалангой Александра Македонского двинулись вниз. Вероника застыла и смотрела, как сначала головы Марий исчезли в тоннеле, а после пропал и дрожащий свет их фонарей. Из ступора её вывел мелодичный голос Маши, призывавший немедленно присоединиться к профессоршам. Вероника, стуча ломом, словно костылём, начала свой спуск в храм, в котором последний раз была лет 7 назад. Когда она нагнала Марий и присоединила свет своего фонаря к профессорским лучам, экспедиция уже вступила в высокий длинный узкий зал, стены которого были сложены из огромных разноразмерных блоков, с высеченными на них иероглифами и фигурами людей и животных, как отдельно стоящих, так и изображающих различные сцены. Пол зала рябил плоскими и разнообразными по форме и размеру камнями. Когда лучи фонарей добились до высокого, примерно в 8 метров высотой, потолка, перекрытого длинными каменными балками, взору предстала карта звёздного неба, с иероглифами выбитыми рядом с каждым небесным телом. Следующий за первым, зал, был примерно в два раза длиннее и шире, и разделён массивными каменными колоннадами — в самый потолок — на три равные по ширине части. В центре каждой колонны, по всему её периметру, были вырезаны мелкие барельефы, изображающие людей, животных, горы и джунгли.

Внизу колон, под барельефами, и тоже по всему периметру, располагались большие иероглифы майя. А, на потолке, выполненном тем же способом, что и в первом зале, раскинулось небо со звёздами, планетами и иероглифами. Третий, в анфиладе храма зал, был копией второго, если верить беглому взгляду, но, к сожалению для Марий, лишь малая его часть осталась доступной. Потому что, он был разрушен и завален своими же стенами и потолком.

— По-видимому, это и есть последнее пристанище жреца, — Мария постучала остриём штыковой лопаты по огромным валунам, под самый потолок загромождавшим третий зал. Её гулкий голос зазвучал как то особенно торжественно в этой пустой и мрачной анфиладе, — если верить картам, отсюда до руин Паленке километра два, не больше. Возможно, этот трёхкомнатный храм (если он трёхкомнатный?) соединялся с основным храмовым комплексом подземным тоннелем. А после землетрясения, был отрезан... — Мария прислонила лопату к нагромождению камней и, включив «Polaroid», направила его электромагнитный импульс в сторону завалов третьего зала. После сканирования, она знаком подозвала Машу и Веронику и, обращаясь к русской профессорше, с недоумением в голосе выговорила, — ты когда-нибудь видела подобное?

Маша, посмотрев на экран «Polaroida», сняла с себя рюкзак и, поставив его на пол, вытащила оттуда ноутбук в непромокаемом чехле, включила его и соединила кабелем с георадаром. Когда картинка с радара была загружена в компьютер, Маша принялась вертеть её на 360 градусов во всех возможных плоскостях. Закончив это действие, она изрекла:

— Ты права, такого я не видела никогда!

— Что не так с этим... изображением? — непонимающе спросила Вероника.

— Если совсем просто, то излучение нашего георадара не пробивает дальше границ этого помещения... Как будто вот этот зал, — Маша кивком головы указала на забитую камнями огромную комнату, — как бы завёрнут... что ли... в непроницаемую для волн оболочку. Я сейчас пройду по всему храму, и если и в других залах будет подобное, тогда понятно, почему только знающие об этом месте — могли найти его... Почти наверняка ни георадары, ни другие способы зондирования пустот в толще земли, здесь не работают... Вы не хотите переодеться, я если честно, стала замерзать здесь в этой мокрой одежде... — и Маша, показывая пример попутчицам, достала из своего рюкзака чёрный мусорный пакет, распаковала его и, скинув с себя всю одежду прямо на пол, включая трусы, облачилась во всё сухое, за исключением ботинок и комбинезона — твоя мама просто гений, — улыбнулась она Веронике, — я со всей нашей беготнёй даже и не подумала о запасном сухом комплекте... А мокрую одежду можно запахнуть в пакет из под сухой...

Пока Мария и Вероника, следуя примеру подруги, переодевались и рассовывали мокрую одежду в пакеты, Маша извлекла из всех трёх рюкзаков — три мощных переносных галогеновых фонаря, светивших широкими голубоватыми лучами, установила их на телескопические треноги в каждой из трёх частей второго зала и, включив их, озарила почти дневным светом большую часть второго и весь обрубок третьего зала. Прделав всё это и, убедившись, что теперь ни холод (в подземелье было наверное градусов 15 тепла), ни темнота им не помешают, наша троица занялась фотографированием, лазерными и георадарными замерами, и занесением всего этого в специальную программу — моделирующую согласно внесённым данным точную 3D копию храма. На любование открывшимися красотами у Марий совсем не оставалось времени, а у Вероники ни времени, ни желания. Ведь, за оставшиеся до 4 утра — четыре с половиной часа, сегодняшней ночи пятницы, и ещё примерно за то же время ночи с пятницы на субботу, нужно было успеть выполнить огромную работу, иначе, все субботние планы с возвращением в Мехико и встречей с американцем могли пойти прахом. А что ещё хуже, если Марии задержатся в Паленке, то не только встреча с американцем может не состояться, но и у американца могут возникнуть подозрения, что Мария, воспользовавшись папирусом, что-то разнюхала и, не поделившись с ним, сообщит миру о «собственном научном открытии». Так

что, держа в уме все эти неприятные нюансы, Мария и Маша рьяно накинулись на работу. За четыре с небольшим часá, не заваленная часть третьего зала, весь второй и примерно четверть первого были исследованы и обработаны. Эта дикая гонка сканирования, фотографирования и измерения так измотала девушек, что только страх утратить оборудование и обнаружить свой интерес к подземелью, заставил их унести все «пожитки» с собой, а вход в подземелье и весь путь до самой асьенды тщательно маскировать и скрывать. К счастью, возвращение в убежище учёных-контрабандистов и их проводника прошло без хлопот, и их инкогнито для жителей деревни, кажется, осталось неизменным. Помывшись, позавтракав и предоставив заботам Селены одежду, обувь и снаряжение, Марии, сделав две резервные копии пятничного посещения храма (одну на запасной жёсткий диск, другую, зашифровав, в облако университета Мехико), завалились спать, а Вероника, не обременённая научными заботами, отдалась Морфею ещё раньше. Проснулись три девушки, когда до заката южного солнца оставалось часа полтора, а до повторного выхода в храм, где-то четыре. Селена, пока они спали, успела отстирать, отмыть и высушить, всё, что было брошено ими — мокрым и грязным. За ужином, где уже господствовали мясо, рис и овощи, девушки с восторгом (и даже Вероника!) поведали «старшей» из потомков конкистадора об открытии защитного слоя, укутавшего храм непроницаемой оболочкой и о том, что землетрясение уничтожило не только жреца, но, скорее всего, и тоннель, ведущий к известным всему миру «руинам» Паленке.

— Я пока ещё продолжаю утверждать, что папирус американца это, вероятно, какой-то религиозный обряд, но вещество, обволакивающее храм и обвалившийся тоннель, на следствии «культы» явно не похожа. Подобной технологии у людей до сих пор нет. Это вещество так обманывает георадар, что на картинке вместо пустот вы видите точную копию соседних с этим веществом пород. Идеальная маскировка! Как будто в воду бросили «чистейшей воды» бриллиант! Где вода, это земная толща, а бриллиант — наш храм, — с удовольствием делилась Мария, своими соображениями с Селеной и Вероникой.

— Но тогда, как твой... ну, этот... прибор... показал вход? — напомнила Вероника начало «раскопок» храма.

— Очень просто... За 500 лет, дожди и люди разрушили небольшую часть защитного слоя, поэтому, георадар и увидел пару метров входной лестницы, — пояснила Мария.

После ужина, профессорши, на экране ноутбука, продемонстрировали хозяевам асьенды 3D модель уже загруженных в специальную программу: стен, полов, потолков, колонн и, конечно же, барельефов и иероглифов. Селена попросила ещё раз показать фото папируса американца, и Маша открыла его на смартфоне.

— Иероглифы и рисунки те же, но расположены совершенно в другом порядке, — сразу определила Селена, взглядом, намётанным за годы рысканья по кодексам Майя и по стенам «своего» храма.

Марии утвердительно закивали головами и сделали вывод, «навеянный громадным совместным научным стажем», что теперь, после открытия «хитрой оболочки» вокруг храма, они не исключают шифрование всего содержимого храма, ключ к которому, либо, уже дешифрованная версия части или всех его барельефов и иероглифов — перенесены на папирус, попавший в руки американца. Но, религиозный подтекст папируса, всё же остаётся их предпочтительной версией...

— Значит... машину... вы до конца не отрицаете? — усмехнулась Селена, думая о своих видениях.

— До конца — нет, но, — Мария была непреклонна в своём скепсисе, — ну сколько раз люди объясняли себе то, что выходило за рамки их понимания — Божьим промыслом, а сегодня конспирологией неизвестных нам цивилизаций, — мексиканская профессорша скривилась в недоверчивой гримасе, — я совсем не удивлюсь, если эта «хитрая оболочка» окажется каким-то ранее не известным геологическим явлением...

Ещё Марии рассказали Селене, что когда они переступили порог первого зала храма, то тут же вспомнили её слова о несовпадении храма и папируса.

— В храме действительно описаны индейские хроники, как и предполагала и попала в самую точку Селена, — вещала Мария, — как будто тот, кто руководил «инкрустацией» храма, намеренно «зашифровал», если судить по папирусу, чёткую схему чего-то. Чтобы никто из непосвящённых не смог покуситься на настоящую тайну Lakam-Ha?. Но, повторюсь, это лишь предположения. Мы же, сегодня, видя, как в разных книгах используются одни и те же слова, но создающие разные смыслы, не говорим сразу — это зашифровано! Поэтому, папирус и храм могут быть «связаны» одинаковыми иероглифами и рисунками, но при этом совершенно не иметь скрытого смысла.

— Если это так, — грустно подумала Маша, — то мне всё же придётся открыть подруге, что я утаила от неё «целый» папирус из Большой воды, — а вслух весело добавила, — значит нам грозит не проклятие богов, а Нобелевка, и не только по археологии, но и геологии! Ты ещё общаешься с тем профессором... геологом?

Чёрные глаза Марии гневно опалили насмешливую подругу, и краска залила её индейское лицо. Кажется, она негодовала. «Тот профессор» был болью Марии. А, Маша, увлечшись своей тайной, случайно задела запретную тему, и невольно напомнила подруге о её несчастной любви. «Прости, я сказала о Нём... как об эксперте, не хотела тебя расстраивать», — прошептала огорчённая Маша. Мария, улыбаясь одними губами, выговорила срывающимся голосом: «Ничего, я всегда думаю, что всё прошло, но кажется, пока, ошибаюсь». Наступило неловкое молчание. Селена и Вероника, не ожидавшие подобного от всегда и везде уверенной в себе и жизнерадостной Марии, не решались заговорить, а Маша, отлично знавшая, что пережила пять лет назад её подруга, и что только работа вернёт её в норму, «призвала» немедленно готовиться ко второй исследовательской ночи. Мария, вняв призыву, подцепила ноутбук и, поблагодарив Селену за вкусный ужин, покинула гостиную. Маша с Вероникой отправились следом, а Селена, бросив опустевшей комнате «на здоровье!», начала прибираться.

Здесь следует пояснить, что же такого произошло с любвеобильной, но ветреной Марией, меняющей парней, как перчатки, и беззастенчиво разбивающей мексиканские мужские сердца. Она полюбила страстно и безрассудно, и «тот профессор» кажется, отвечал ей взаимностью. И он был белый, то есть — гринго. Но, как порою бывает в самых, со стороны кажущихся, идеальных отношениях, любила одна, а другой лишь позволял себя любить. Ослеплённая чувствами Мария не замечала этого, не сердилась на любимого за его раздражение её экспедициями и преданностью работе, прощала ему романы на стороне, в общем, до последнего верила в уже ушедшую любовь. И только когда, «тот профессор» объявил ей, что женится на своей аспирантке, поняла, что всё кончено. Индейская кровь требовала мести, и лишь чудо, а может быть обожаемая Марией работа — спасли гринго от удара ножом, а его «потаскуху» от окропления соляной кислотой. А после, «чудо» было закреплено бесконечной чередой молодых и горячих мексиканцев, познающих на себе и своих телах «заедание» гнусного предательства. И, с тех пор — больше никаких бледнолицых гринго!

У Маши же случился, наверное, уже ставший университетской классикой, роман. Она, будучи аспиранткой, влюбилась в своего научного руководителя. И ни разница в возрасте, ни законная жена предмета её любви, не остановили её. Они «ютились» по отелям и конференциям, были всегда вместе. Машу даже не смутило, что это её диким трудом, научный руководитель набело сочинил докторскую. Она переносила и терпела всё. Будто её околдовали. И, как и в грустной истории с Марией, «венцом» этой разьедающей любви, стала новая пассия неблагодарного любовника. Но, самым отвратительным была не измена, а то, что «возлюбленный», как только понял, что докторская у него в кармане, тут же от Маши и избавился. Когда это произошло, Маша возненавидела всё, чем так была увлечена с самого детства. Забросила кандидатскую, уволилась и уехала в «отпуск»... в Мексику. Там, в Канкуне, у барной стойки

шикарного отеля, пьяный угар свёл её с заливающей схожее горе — Марией. Это стало началом дружбы двух «профессорш», длящейся до сих пор, и вряд ли прервущейся даже на том свете!..

Как и предполагала Маша, подготовка ко второй вылазке вернула Марии душевное равновесие, и когда весь вчерашний комплект был собран, от нахлынувших было дурных воспоминаний у её подруги не осталось и следа.

Сегодня решили выйти на час раньше, потому что, опыт первой ночи подсказывал — ливень, почти чёрная луна и бесконечные суеверия местных жителей, освобождают дорогу трём девушкам, почище любого полицейского эскорта. Как и вчера, Селена довела профессорш и их проводника до калитки и, убедившись, что «всё чисто», выпустила экспедицию на улицу. Уже знакомая нашей троице дорога спорилась и заняла почти вдвое меньше времени. Маскировка входа в подземелье была нетронута, а отсутствие следов — под наметанным следопытским взглядом Вероники, говорило о сохранении полнейшего инкогнито научных исследований. Очистив вход от веток и широких пальмовых листьев, девушки спустились в храм и сразу же, в первом зале, установили треноги и включили фонари. Несмотря на длинные пластиковые дождевики — дополнившие собою вчерашний исследовательский комплект, им снова пришлось переодеться в сухую одежду, ведь беспощадная влага тропического леса и река вновь обводнили всю их экипировку.

— Умели раньше строить, — заметила Вероника, переодеваясь, — наверху потоп, а здесь не то чтобы ручейка, даже росы нет!

Профессорши переглянулись и ответили, что после изучения защитного кокона храма, они вероятно станут соавторами не только неизвестного до настоящего времени вещества-маскировщика, но и нового способа гидроизоляции подземных сооружений.

Работы по фотографированию, лазерным и георадарным замерам, и занесением всего этого в специальную программу — были завершены в два раза быстрее вчерашнего. Этому способствовали не только простая форма первого зала — без двух рядов колонн, но и меньшие его размеры. Когда всё было завершено, девушки ещё раз обошли все залы и, убедившись, что в 3D двойнике всё соответствует оригиналу, покинули храм, «восстановили» каменно-земляной завал входа и уничтожили все следы своего пребывания. Путь до асьенды прошёл без волнений и происшествий, и кажется, как и вчера, ни одна живая душа не заметила их. Всё дальнейшее происходило в точном соответствии со вчерашним, за исключением сна — на него как раз почти не осталось времени. Ведь, до вылета в Мехико, нужно было успеть заскочить в отель, оплатить там счета, сдать арендованную машину, а ещё добраться до аэропорта Паленке. В результате девушки решили вообще не спать, а посвятить пару освободившихся от сна часов резервному копированию сегодняшних данных, общению с Селеной и приведением своего гардероба к первоначальному виду «избалованных городских штучек». Наступила минута неизбежного отъезда. Селена проехала со своими гостями до границы Бавилонии, попрощалась и, покинув дребезжащий джип, встала посреди дороги. Вероника не выдержала, выскочила из машины и будто расставалась с мамой навсегда, начала её обнимать и целовать. Этому порыву последовали и Марии. Слезы умиления полились рекой, а восклицания — вперемешку на испанском и майянском заставили местных кузнечиков испуганно заскакать, высоко выпрыгивая и паря в ярких утренних солнечных лучах. Селена взяла обещание у Марий непременно «быть на связи», а Веронику напутствовала осторожности, будто та впервые покидала отчий дом. Девушки снова простились с Селеной, и ещё долго, с грустью, следили за её стремительно удаляющейся одинокой фигуркой. А Селена, даже после того, как машина, изрыгающая фонтаны пыли и грохота, скрылась, продолжала стоять. Слезы душили её. Оставьте меня в покое! — твердила она, — я не боюсь вас!

Почти весь путь до Мехико наша троица молчала, и только самые насущные слова слетали с её уст: в отеле — при выезде и сдаче машины, в такси, и на контроле в аэропорту. Профессорши были расстроены расставанием с Селеной и Паленке, а Веронику мучили, вне-

запно поднявшиеся видения. «Не трогайте меня, прочь», — с ненавистью, беззвучно, шептала она, — «вы не испугаете меня»... В Мехико, чувства, угнетавшие девушек, схлынули, а будни гигантского города закружили и поглотили их.

Американец

Сегодня, из Вашингтона, должен прибыть американец. Марии, получившие уже так много информации от Селены и храма Большой воды, сначала хотели утаить от американца своё открытие, но потом решили, что хоть и храм открыт ими безо всякого участия янки, всё же толчком к открытию послужил его папирус. Ведь, даже иероглифы, начертанные Вероникой в блокноте, без папируса — могли не вызвать у профессорш интереса и не вывести их на храм. Это, если принять во внимание продолжающееся молчание Маши о её семейном артефакте!

— Я не уверена, что в том пьяном угаре, я бы обратила внимание на каракули Вероники, — честно призналась Мария в такси, на пути домой, — ну мало ли где она могла их увидеть. Мы же не можем помнить расположение всех иероглифов. Памятников майя ведь десятки...

— Я тоже, — согласилась Маша, всё ещё надеясь, избежать неприятного признания своей тайны, — в конце концов, если не удастся взломать шифр, если он конечно вообще существует, откроюсь. Это же не я, это запрет бабушки, — тут же, молча, выдумала Маша оправдание для себя.

— И даже иероглиф Lakam-Ha? меня бы тоже, наверное, не смутил, ведь без папируса он был бы на одно лицо с любыми другими иероглифами Майя, — продолжала рассуждать Мария, — так что, будет справедливо поделиться с янки нашим открытием, — мексиканская профессорша посмотрела на русскую, — если ты конечно не против. Это же наше общее достояние.

— Только до разговора с ним, зафиксируем нашу 3D модель у нотариуса. Что бы потом не было вопросов к нашему авторству, — уточнила Маша, — и внесём туда Веронику. И сделаем это немедленно... Если ты тоже не против? — говоря всё это, Маша думала о том, что без американского папируса она бы тоже не обратила внимания на письма Вероники, потому что даже её собственный майянский артефакт почти был забыт ею, и без сообщения от мексиканки она о нём бы вряд ли вспомнила.

— Я — за! Едем прямо сейчас! — и Мария приказала таксисту изменить маршрут. Через час профессорши уже были у нотариуса, а через два вышли от него с тремя экземплярами чертежей храма Большой воды, скреплёнными печатями и подписями нотариуса, и с указанием авторства Марии и Вероники.

В результате, когда Марии отправились в отель к американцу, первый авторский экземпляр был припрятан в чемодане Маши, второй в домашнем сейфе Марии, третий с курьером уехал к Веронике, а четвёртый затерялся в бездонном шкафу у нотариуса.

Американец остановился в самом центре Мехико, в одном из самых роскошных и дорогих отелей мексиканской столицы.

— Он, что, миллионер, — брезгливо сморщилась Маша, окидывая неприязненным взором роскошное здание.

— Не знаю, у меня есть только его имя и фото папируса, ну и те сведения, которыми я с тобой поделилась в письме. Если не хочешь с ним встречаться, я могу пойти одна. Вот только наше такси уже уехало, — Марии тоже была неприятна эта роскошь всемирно известной сети 5-звёздочных отелей, но ради науки она готова была терпеть, — меня тоже раздражают «эти богачи», но этот конкретный может нам пригодиться.

— И, чем же? — Маша застыла на тротуаре, и, кажется, не знала, на что решиться. Бросать подругу в лапы янки, она, конечно же, не собиралась, но и заходить в это «неприятное» место ей совсем не хотелось.

— Ну, хотя бы тем, что если он для нашей науки окажется бесполезен, то можно выбить у него деньги на дорогу до Вавилона, и пешеходный мостик через Рио Чакамас! Я не понимаю, что тебя беспокоит? Мы пришли по делу... — Мария удивлённо смотрела на подругу, — у вас в Москве миллионеров не меньше!

— Именно! И, к сожалению, ректор моего университета млеет перед ними, и ладно бы сам. Так нет, зная, что эти мерзкие толстосумы становятся податливее, когда общаются с ним в моём присутствии, всегда на подобные встречи тащит меня. А я не могу ему отказать... Он хороший, отзывчивый мужик... Но эти богатые говнюки... Попечители... — Маша поднесла руку с двумя выставленными вперёд пальцами ко рту и изобразила позы к рвоте, — они так меня достают! Воображают, что я продаюсь, уроды. Если этот такой же, не обижайся...

— Если такой же, — Мария «по-пацански», сбоку, обняла Машу за плечи и слегка встряхнула, — мы уйдём, обещаю!

— Ладно, идём, — Маша скорчила хмурое русское лицо.

— Гринго — ненавидит гринго! — прокомментировала мексиканка гримасу подруги.

— Я русская, мы хоть и белые, но не гринго! — и тоже, обняв подругу за плечи, Маша решительно шагнула к сияющей входной вертушке отеля.

Это странное поведение двух профессорш, не укрылось от острого и внимательного взгляда молодого привлекательного парня, наблюдающего за ними из холла отеля с момента их выхода из такси. Он вольготно расположился в дизайнерском кресле, с таким расчётом, чтобы видеть парадный вход и сквозь огромные витрины следить за всем происходящим на улице. Когда Марии прокрутились через вход и были выплюнуты вертушкой в залитый ярким светом холл, к ним тут же подскочил податливый и измученный барбершопом клерк, помеченный вычурной табличкой, словно ценником в магазине, и проводил девушек вглубь холла, минуя рамку металлодетектора и рентген для сумок. Марии следовали за угодливым служителем, с интересом озираясь по сторонам, а служащий, чуть не каждые пол шага оглядываясь на них, кланялся вперёд, указывая левой рукой направление движения, а правую, то и дело заводил за спину.

— Ни дать ни взять, бывший официант, наверное очень хороший, и явно напрашивается на чаевые, — оценила вежливый нахрап Маша.

Между тем, бывший официант до того самого наблюдательного парня, который, при приближении Марий галантно, но расслаблено вынырнул из объятий кресла и мило улыбаясь, приветствовал гостей, а «официанта» еле заметным движением — отшил.

— Я обратил внимание, — продолжая обаятельно улыбаться, заметил молодой человек на великолепном испанском, — что вы сомневались, стоит ли вам заходить в это пристанище алчных капиталистов?

— Не угадали, — съязвила Маша, — мы просто предположили, что для пропуска в «пристанище алчных капиталистов» необходимы пиджак и галстук, а у нас их нет!

Марии были облачены в «форму» настоящих учёных, т. е. в ветровки, джинсы, футболки и кроссовки, а за плечами у них болтались рюкзаки.

— Я подумаю об этом вашем предложении и возможно, даже, вынесу его на совет директоров, — пошутил обаятельный парень, и представился, — Пьер, ваш корреспондент из USA, и по совместительству совладелец этого бедлама. Кто же из вас Мария?

— Приехали! Не миллионер, а миллиардер, — сверкнуло в головах у Марий.

— Имя, как у мужа Марии Кюри, — не придавая впрочем большого значения этому совпадению, отметила про себя Маша.

— Мы обе Марии, я — ваш корреспондент, а она — профессор из Москвы, — уже вслух, за двоих, представилась мексиканская профессорша.

— Вы прекрасно говорите по-испански, — Пьер галантно кивнул Маше.

— Вы тоже, — Маша сбросила хмурое лицо и приветливо улыбнулась.

— Спасибо. Если вы не возражаете, мы можем пройти в конференц-зал. Его для нас специально забронировали...

Марии не возражали и, съедаемые любопытными взорами всего персонала отеля, последовали за миллиардером. Конференц-зал находился на втором этаже, куда вёл отдельный мер-

цающий роскошью лифт, и когда Марии, галантно пропущенные Пьером вперёд, вышли из лифта, то оказались в огромных апартаментах, обставленных с изысканностью президентского люкса.

— Не очень это похоже на конференц-зал. Где же ряды кресел, сцена и трибуна? — Маша и до входа в отель была настроена на ехидство, но теперь, когда узнала, с кем придётся иметь дело, её просто распирало иронией.

— Это место для приёма очень важных гостей... мне тоже не очень нравится этот дизайн... сестра настояла. Располагайтесь, — Пьер ключом заблокировал закрытые двери лифта и жестом пригласил Марий в центр комнаты, где находились напротив друг друга два белых пухлых дивана, с длинным низким стеклянным столом между ними... Хотите чего-нибудь выпить? — радушный хозяин направился к стойке бара.

— Неужели сами будете нас обслуживать? Могли бы пригласить того, замученного барбером официанта, — напропалую язвила Маша, и заказала воды. Мария безропотно, чтобы лишний раз не провоцировать подругу, тоже выбрала воду, хотя страшно мечтала о 50 граммах коньяка.

— Меня тоже раздражает эта мода, навязанная мужчинам — футболистами и рэперами... — улыбнулся Пьер, густая шевелюра которого была оформлена в стиле пай мальчика из 50-х, — вам с газом или без? — поинтересовался он у гостей, открывая дверцу холодильника под барной стойкой.

Марии заказали «без». Пьер подцепил клешнёй одной руки две холодные бутылки из холодильника, а другой рукой, сверху, на стойке, накрыл два перевёрнутых кверху дном, высоких узких стакана и, ногой захлопнув дверцу холодильника, понёс всё это своим гостям.

Как угадали Марии, Пьер действительно был миллиардером, и на пару со своей сестрой управлял сетью помпезных отелей, раскинувшихся по самым богатым городам мира. Но если не знать об этом и не искать в интернете, а положиться лишь на свои глаза, то перед вами предстал вполне обычный молодой человек, никак не обозначающий свою принадлежность к богатым и знаменитым. Сероглазый шатен, слегка выше среднего роста, спортивный, в голубых летних брюках и белом поло, и на босу ногу обутый в белые мокасины. Может быть, только часы намекали на излишек денег — огромные, похожие на маленький круглый будильник. Когда Пьер сел на диван, через стол от Марий и, открывая бутылки с водой и наполняя ею, стаканы девушек, отметил их интерес к своим часам — то тут же, зачем то, объяснил «существование» этих самых часов:

— Дайверская модель, сестра подарила.

— Вы любите нырять? — быстро спросила Мария, как бы предупреждая очередную колкость от Маши.

— Нет... — пожал плечами миллиардер и распахнул огромную пластиковую папку, лежавшую тут же, на столе, — вот мой папирус...

Марии, не стовариваясь, затычным глотком отпили из своих стаканов воду и переместили бутылки и стаканы на пол, дабы случайно не залить папирус. Затем, избавившись от своих ветровок, извлекли из рюкзаков по паре белых матерчатых перчаток, и надели их. Пьер с интересом наблюдал за действиями — настоящих учёных.

— Можно посмотреть? — голос Марии дрожал от предвкушения.

Пьер молча кивнул.

Мария придвинула папку к себе и взяла в руки папирус. «Кора фикуса», — шепнула она. Маша утвердительно кивнула. Пьер наблюдал, как две профессорши, склонившись над артефактом 500 летней, а может и более давности, жадно осматривают его. После «беглого» ознакомления, длившегося минут 10, Марии вытащили из своих рюкзаков по огромной, диаметром с большое помёло лупе, и погрузились уже в «настоящее» исследование памятника не просто письменности Майя, но и возможно, куска какого-то их научно-технического документа. Пьер

никогда доселе не присутствовавший при подобном, с восхищением и любопытством следил за каждым движением и словом своих гостей. Он и не представлял, насколько может быть прекрасен мир науки. И, дело было не только в красоте Марий, бессознательно будоражащей его. Вся их аура из: жестов, мимики, слов — часто на майянском, нежного шороха перчаток, шуршания карандаша в перекидном блокноте, сливания очаровательных голов, венчанной золотой и иссиня-чёрной, небрежно накрученной в тугие пучки шевелюрой — когда в неистовом желании узреть мельчайшую чёрточку-закорючку, девушки одновременно приникали к древней рукописи — это настолько восхитило Пьера, будто он находился не при осмотре перепачканной чернилами коры фикуса, а при сотворении какого-то удивительного произведения искусства, когда-либо созданного рукою и разумом человека. Научный спектакль продолжался почти час, на протяжении которого зачарованный миллиардер не испустил ни звука.

— Мы закончили, — Марии отстранились от артефакта Майя.

— А... да... — Пьер неловко улынулся, — и... что... скажете...?

Марии переглянулись и, обратив свои проницательные взоры на чудаковатого владельца «заводов и пароходов», как бы вопрошали: «Что конкретно вы хотите знать?»

— Ну... он настоящий? — всё ещё силясь преодолеть культурный шок, промямлил Пьер.

— Да, — за двоих ответила Маша.

Воцарилось неловкое молчание. Миллиардер только открыл рот, чтобы что-то пролепетать, но мексиканская Мария перебила его:

— Откуда у вас папирус?

Пьер странно замялся. Его, как будто смутил, столь простой и незамысловатый вопрос:

— Простите моё замешательство, но я всё ещё пребываю в прострации от увиденного.

Марии почти синхронно задрали к небу брови и непонимающе уставились на хозяина артефакта.

— Я, наблюдая за вами, даже в самых живых фантазиях, не смог бы нарисовать в своём довольно развитом воображении (моя сестра часто этим меня упрекает) таких увлечённых своим делом людей, настоящих фанатов. Не путать с фанатиками, — закончил неловкой шуткой краткую пояснительную речь, Пьер.

— Продолжайте, — Маша толкнула в профессорское плечо Марию, — ваша сладкая патока прямо бальзам для наших закостенелых научных душ.

— Да... Откуда папирус... — Пьер почему-то отказался от дальнейшей лести, и вернулся к сути вопроса, — Этот папирус, сколько я себя помню... висел на стене, в кабинете у отца (Маша вздрогнула, но к счастью, никто этого не заметил). А до этого, на стене в кабинетах деда и прадеда... Семейная реликвия... Меня «эти каракули» никогда не интересовали, — Пьер почти цинично ухмыльнулся, сигнализируя этим, что культурный шок отступил (а, Маша улыбнулась, вспоминая свой неописуемый детский восторг от «этих каракулей»), — и, вот, мы с сестрой, в этом июле, во время поездки по Европе, прячась от Мадридской убийственной жары, забрели в музей Америки. Прогуливаясь по прохладным залам, вместе с такими же жаждущими передышки от зноя, мы набрели на кодекс Майя — я тогда ещё не знал, что это так называется... — миллиардер извинительно сжал губы, — стоим, рассматриваем знакомые с детства «каракули»... Простите, что я так их называю. Но два месяца назад они для меня были именно такими, — Пьер равнодушно дёрнул плечами, — и обсуждаем, что у нашего отца в кабинете, на стене, висит лист с такими же точно рисунками... Видите, я начинаю исправляться, — широко и явно с ироническим подтекстом улыбнулся бывший посетитель музея, — в это время мимо нас проходит какой-то человек, останавливается, «подслушивает» наш разговор, и совершенно неожиданно заявляет, что если это правда, то мы обладатели бесценного научного сокровища. Я, конечно, тут же спрашиваю, сколько, по его мнению, этот лист может стоить... Каюсь, — Пьер скорчил уморительно виноватую физиономию, а для усиления эффекта сложил руки вместе, ладонями внутрь и скорбно склонил голову в сторону Марий.

Марии улыбнулись, всем своим видом показывая, что рассказчик прощён, — этот человек, — вернулся к повествованию миллиардер, — представился нам — научным сотрудником музея, — и Пьер назвал имя любопытного «прохожего». Марии весело захихикали, и сообщили, что давно знакомы с этим испанским занудой, — он действительно зануда... — согласился Пьер, — его кажется, даже, оскорбил мой вопрос о цене нашей семейной реликвии, и он с апломбом заявил, что если это артефакт письменности Майя, то он бесценен, потому что таких папирусов в мире всего четыре. Я заинтересовался, и хотя сестра уже заскучала и рвалась на волю, уговорил её потерпеть ещё пару минут, и попросил папиного секретаря — прислать фото папируса. Ваш знакомый, когда увидел фотографию, буквально подскочил на месте. Он вырвал телефон у меня из рук и стал приближать и отдалять надписи на фото и бормотать что-то невразумительное.

— Это наверное был майянский, хотя насколько нам известно, этот зануда не самый великий знаток этого языка, — скривилась Маша.

— Скорее всего... — кивнул Пьер, — ...после изучения нашего папируса, он сообщил, что почти не сомневается — что это «пятый кодекс Майя». Я спросил, что там написано...? Ваш коллега, ещё раз бегло просмотрев нашу семейную реликвию, заявил, что сразу трудно сказать, но если в общих чертах, то это чертежи какой-то машины, связанной с водой и возможно, даже с её «управлением». Потом взахлёб прочёл нам целую лекцию о Майя и других индейских цивилизациях, и их удивительных памятниках: городах, взлётно-посадочных полосах плато Наска, которые древнее египетских пирамид и надгробиях, напоминающих изображение мостика космического корабля...

Марии, весь рассказ Пьера об их коллеге из Мадридского музея Америки, улыбались, а на последних словах повествования в голос захохотали:

— Мы смеёмся не над вами... — давась смехом, пояснила Мария, — у вашего знакомого из Мадрида репутация заносчивого и бестолкового чудака. Все сколько-нибудь серьёзные Майянисты, знают его под кличкой Майя-уфолог. Он забил собою весь интернет, неся всякую чушь, совершенно не связанную с наукой... И, Маша права, майянский у него на уровне студента первого курса университета, поэтому он и не смог вразумительно ответить на ваш вопрос о содержании папируса. Хотя, надо признать — ловко угадал слово «вода»...

— Ага, — Маша ехидно мотнула головой, — опознал единственный знакомый ему иероглиф!

— Мы с сестрой тоже посмеялись, не так заразительно, как вы, конечно, — окинул Пьер взглядом обеих Марий, — но ваш коллега — позволю себе его так называть, хотя судя по вашим комментариям, вы его не любите, — профессорши глубоко вздохнули и изобраили две, дополняющие друг друга гримасы — признающие, что Майя-уфолог им действительно совсем не мил, — нас почти грубо осадил и пустился в пространные рассуждения о том, что на Земле, когда-то, существовала высокоразвитая цивилизация, часть знаний которой попали в руки Майя, и были сохранены в камнях майянских гробниц и храмов... После этого мы расстались...

— И он, что, даже не попытался заполучить фото вашего папируса? — Мария задрала правую бровь под потолок.

— Пытался, конечно, и более того, отчаянно на этом настаивал, — ухмыльнулся миллиардер, — но бизнес научил меня, очень осторожно относиться к подобным наскокам... В общем, я его почти «послал»... и если бы не сестра, то «послал» бы наверняка...

— Вы молодец, — похвалили Пьера, Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.